

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 3–4

2017

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2017, № 3–4

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2017, № 3–4

It is founded in 2016.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-65899 от 06 июня 2016 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Гуманитарные социально-экономические и общественные науки».

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

Registration number al PI № FS 77-65899 of 06/06/2016 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Scientific Magazine «Humanitarian, Social and Economic and Social Sciences».

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Рассказов Леонид Павлович,

заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования Кубанского государственного университета;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой начального образования факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского государственного технического университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Аванесян Грант Михайлович,

член-корреспондент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Ереванский государственный университет, г. Ереван;

Байер Елена Александровна

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта Донского государственного технического университета, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Кашкаров Алексей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Куликова Элла Германова,

доктор филологических наук, профессор заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет;

Невский Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Leonid P. Rasskazov,

Honored Public figure of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History, Law and State at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin.

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Yury V. Luchinsky,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of history and legal regulation of the Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of department of criminal proceedings of the Kuban State University;

Olga D. Fedotova,

the Doctor of pedagogical sciences, Professor managing department of primary education of faculty of psychology, Pedagogics and defectology of the Don state technical university.

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Grant M. Avanesyan,

Corresponding Member of the International Academy of Psychological Sciences, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the department of the General Psychology, Yerevan state university, Yerevan;

Elena A. Bayer,

Doctor of pedagogical sciences, Professor of department of the theory and practice of physical culture and sport of the Don state technical university, Director GKUSO RO of the Azov center of the help to children;

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Alexey A. Kashkarov,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Chief of department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena Yu. Kolomiytseva,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Journalism, Moscow State Art and Cultural University;

Ella G. Kulikova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and the Standard of Speech, Rostov state economic university;

Sergey A. Nevsky,

Doctor of Law Sciences, Professor of operational strategy and technical measures Department in the Institute of advancement qualification under the Ministry of Internal affairs;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Defectology and Inclusive Education, Donskoy state technical university;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Primary Education, Donskoy state technical university;

Lyubov Y. Horonko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of department of Education and Pedagogical Sciences, Academy of psychology and pedagogics, Southern Federal University.

КОНТАКТЫ:

○ ШЕФ-РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич
Тел.: +7(928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна
Тел.: +7(988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных Партизан д. 371 оф. 2

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс:+7(861) 226-08-65

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ THE CHIEF - THE EDITOR

Popov Mikhail Yur'evich,
Ph.: +7(928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna
Ph.: +7(988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

371, of. 2, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Krasnodar district, 350049, RF.

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax:+7(861) 226-08-65

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Афанасьева О.О., Абрамов М.А.</i> Развитие социальной работы в контексте внедрения инновационных технологий	19
<i>Гнатюк М.А.</i> Преодоление инерционного сценария в практике российской модернизации: ресурсный подход	25
<i>Гришай Ж.Г., Гребенюк Д.В., Афанасенко М.С.</i> Детерминация поведения молодёжи в социальном институте современной семьи	30
<i>Печуров И.В.</i> Демонстративные потребительские практики в российском обществе: специфика и социокультурные последствия	33
<i>Савеленко В.М., Сыпачев С.В., Гришай У.В.</i> Ситуационные установки снижения конфликтности в обществе	38
<i>Узунов В.В.</i> Социальная консолидация и инновации в российских регионах в свете пространственной парадигмы региональных исследований	41

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Корсаков А.Н., Шуренкова С.С., Беляков С.Г., Новицкая М.С.</i> Востребованность медиации в российских условиях и проблемы ее развития	49
---	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Абрамов М.А., Попова Т.В., Скворцов Д.В., Федоровский А.П.</i> Социально-философское исследование факторов экстремизации массового сознания телевизионной аудитории	55
<i>Зенин К.А., Ширяев А.С., Шатовкина Р.В., Мусаев А.Р.</i> Формирование правосознания у молодежи как теоретическая проблема и практическая задача	61
<i>Попова Т.В., Исламов Ф.И., Зиятдинова Ю.Е., Капустян Н.В.</i> Социально-философский опыт осмысления агрессивных практик манипуляции общественным сознанием	66
<i>Ситников А.П.</i> Архаизация в социокультурной динамике современного российского общества	71

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Курносенко А.А., Килясханов М.Х., Гришай В.Н., Бакланов И.С.

Пожилой возраст как социально-психологическая условность 79

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Olga O. Afanasyeva, Maxim A. Abramov</i> Development of social work in the context of implementation of innovative technologies	19
<i>Maxim A. Gnatyuk</i> Overcoming the inertial scenario in the practice of Russian modernization: resource approach	25
<i>Zhanna G. Grishay, Diana V. Grebenyuk, Maria S. Afanasenko</i> Determination of behavior of youth in social institutions of the modern family	30
<i>Ilya V. Pechkurov</i> Conspicuous consumption practices in Russian society: the specificity and socio-cultural consequences	33
<i>Vyacheslav M. Savelenko, Sergey V. Sypachev, Ulyana V. Grisha</i> Situational installation reduce conflict in society	38
<i>Vladimir V. Uzunov</i> Social consolidation and innovation in Russian regions in the light of the spatial paradigm of regional studies	41

LAW SCIENCES

<i>Alexander N. Korsakov, Svetlana S. Shurenkova, Sergey G. Belyakov, Maria S. Novitskaya</i> Demand of mediation in the Russian conditions and problems of its development	49
--	----

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Maxim A. Abramov, Tatyana V. Popova, Dmitry V. Skvortsov, Alexander P. Fedorovsky</i> Social and philosophical research of factors of an ekstremization of mass consciousness of television audience	55
<i>Konstantin A. Zenin, Alexander S. Shiryayev, Rimma V. Shatovkina, Alik R. Musayev</i> Formation of sense of justice at youth as the theoretical problem and the practical task	61
<i>Tatyana V. Popova, Ferzilakh I. Islamov, Yulia E. Ziyatdinova, Natalya V. Kapustyan</i> Social and philosophical experience of judgment aggressive the pratician of manipulation with public consciousness on television	66
<i>Aleksey P. Sitnikov</i> Archaization in the socio-cultural dynamics of modern Russian society	71

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Andrey A. Kurnosenko, Magomed H. Kilyaskhanov, Vladimir N. Grishay, Igor S. Baklanov

Advanced age as social and psychological convention 79

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

DEVELOPMENT OF SOCIAL WORK IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES

Афанасьева Ольга Олеговна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социальной работы,
координатор образовательных программ
по русскому жестовому языку,
Российский государственный
социальный университет
milena.555@mail.ru

Olga O. Afanasyeva

Candidate of pedagogical sciences,
Associate Professor of SR,
coordinator of educational programs
for the Russian sign language,
Russian state social university
milena.555@mail.ru

Абрамов Максим Алексеевич

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукской институт
управления, бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Maxim A. Abramov

Candidate of sociological sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of all-humanitarian
and natural-science disciplines,
Essentukskoy institute
of management, business and right
milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается суть понятия «инновации в социальной работе», а также представляется обзор инноваций, применяемых в деятельности субъектов социальной работы. Автор отмечает, что опыт многих передовых государств показывает, что в социальной сфере базой инновационной деятельности является опережающее предложение услуг, создающих сознательный спрос населения на них.

Ключевые

слова:

инновации, социальная работа, краудфандинг, краудсорсинг, брейнсторминг, брейнрайтинг, pro bono, блокчейн, инвалидность, «передышка», сопровождение.

Annotation.

The author opens a concept essence of «an innovation in social work» and also submits the review of the innovations applied in activity of subjects of social work. The author notes that the experience of many advanced States shows that, in the social sphere base innovation is outstripping supply, creating a conscious demand on them.

Keywords:

innovations, social work, crowd funding, crowdsourcing, brainstorming, breynrayting, pro bono, blockchain, disability, «respite», maintenance.

Термин «инновация» связан с генерацией идей, их воплощением, использованием их результатов в профессиональной деятельности. Инновации повышают эффективность и результативность деятельности, являются определяющим фактором общественного развития.

Если инновацией считается введение в практику нового, то под инновацией в социальной работе мы будем понимать нововведение или новое явление в сфере социальной работы, в частности, призванное оптимизировать и модернизировать позитивные преобразования, осуществляемые посредством технологий социальной работы.

Необходимость нововведений обусловлена не столько динамикой сложившейся социальной ситуации, сколько внутренней потребностью повышения финансовых ресурсов посредством инноваций.

Опыт многих передовых государств показывает, что в социальной сфере базой инновационной деятельности является опережающее предложение услуг, создающих сознательный спрос населения на них. Вопреки уже достаточно долгому развитию в нашей стране социально-го обслуживания населения, из всех видов услуг наиболее популярными до сих пор являются материальная, вещевая помощь и выдача пособий. Одновременно маркетинговые исследования говорят о том, что социально-терапевтические, коррекционные, консультативные услуги также нужны российскому населению.

Основываясь на исследованиях коллег, а также применяя собственный опыт, мы определили ряд направлений, перспективных для внедрения инноваций в социальной работе:

- развитие инновационного мышления – внедрение в практику социальных учреждений инновационных стратегий развития, связанных с разработкой новой более качественных продукции.

- расширение социального партнерства – увеличение субъектов инновационной деятельности, вовлечении их в процесс решения социальных проблем широких слоев населения;

- использование ресурса информационных технологий – информатизация социальной сферы как основы современного научно-технического прогресса;

- внедрение новых элементов в социальный сервис – расширение спектра социальных услуг по удовлетворению социальных потребностей разных групп населения;

Проанализировав существующий на настоящий момент пул технологий, мы попытались выявить наиболее перспективные технологии в социальной работе в соответствии с названными направлениями.

В области развития инновационного мышления сотрудников организаций хотелось бы остановиться на таких технологиях генерирования идей и развития инновационного мышления, как инновационные игры, брейнсторминг, брейнратинг.

Основой инновационной игры является групповая работа, в процессе которой вырабатывается непредсказуемый интеллектуальный продукт. Такие игры не требуют незнакомой участникам информации. Решения заранее не predeterminedены и никто не может предсказать, чем закончится данное мероприятие. В основе инновационных игр лежит *принцип развивающего обучения*, ориентирующий участников не на расширение объема знаний, а на освоение, разработку и поиск новых решений проблемных ситуаций. Задачи консультантов – не найти решение проблемы, а научить этому игроков.

Основными результатами инновационных игр являются:

- Обновленный человек как результат выявления стереотипов и работы с ними, выработки продуктивных профессиональных и личностных навыков и умений, нового обостренного осознания себя в мире, в труде, с людьми, с собой.

- Сплоченный коллектив участников-носителей новой информации, нового содержания, новых навыков работы и жизни.

Еще одним методом генерирования идей и рождения новых решений является брейнсторминг.

Суть брейнсторминга заключается в особой форме воздействия группы на индивида, решающего проблему. Стимулирование творческой активности достигается благодаря соблюдению ее основных принципов:

- 1) исключение критики;

- 2) поощрение самого необузданного ассоциирования;

- 3) предлагаемых идей должно быть как можно больше;

- 4) высказанные идеи не являются ничьей собственностью и никто не вправе монополизировать их;

- 5) каждый участник вправе комбинировать высказанные другими идеи, видоизменять их, «улучшать» и «совершенствовать».

Решение задач методом мозгового штурма происходит в 2 этапа:

На первом этапе (генерирования идей) запрещена всякая критика, поощряются любые даже дикие, неосуществимые и фантастические идеи.

Но на втором этапе эксперты критически оценивают результаты штурма, пытаясь отобрать рациональные идеи, при этом соблюдая ряд правил, как то:

Правила:

- найти рациональное зерно в каждой идее;

- определить кому и для чего это нужно;

- определить, что произойдет, если ничего не менять.

При всех достоинствах метода брейнсторминга, имеется ряд минусов, таких как:

– Блокировка – при мозговом штурме говорить может только один человек и только. В этом суть метода и его недостаток. Когда людям, которые ждут своей очереди, приходит в голову вторая идея и стирает первую. И так далее.

– Опасения – несмотря на то, что всем участникам мозгового штурма говорят о том, чтобы они не боялись высказывать даже самые неожиданные и глупые идеи, все равно найдутся люди, которые побоятся сказать все, что придет им в головы

– Харизматическая иерархия – более харизматичные и смелые люди всегда будут находить больше решений и высказывать предположения. В то время как тихие, но очень творческие люди, могут лишь изредка высказывать свое мнение.

Брейнрайтинг способен удвоить и даже утроить количество решений по сравнению с брейнстормингом: участники садятся за один стол и получают по одному листу бумаги. На листе у каждого написано название проблемы. По сигналу модератора каждый начинает записывать 3 идеи в решении проблемы, и на все это им дается 5 минут. Идеи могут быть абсолютно разными, даже абсурдными, это даже приветствуется. Когда время истекло, каждый участник штурма передает свой листок бумаги участнику слева от него. Снова дается 5 минут, каждый участник должен написать 3 идеи. Он может опираться на идеи, которые написаны, а может думать независимо от этого. Подобных кругов может быть сколько угодно. Как правило, участники сами начинают чувствовать, что больше оригинальных идей нет.

После данных процедур подключается брейнсторминг. Все идеи собираются и прочитываются. Каждый может высказать свое мнение и критику.

► Количество идей. За короткое время люди генерируют в два-три раза больше идей просто потому что работают над ними одновременно, а не по очереди.

► Идеи записываются в момент возникновения и не исчезают. Если участнику в голову пришли сразу две идеи, он может быстро набросать пару слов одной, затем другой, а в конце вернуться к ним и доработать окончательно.

► Никакой показной харизматичности. В данной технике все равны, потому что молчат и не проявляют социальных достоинств и недостатков.

► Ясная цель и временные рамки. Участники знают, сколько у них времени и сколько идей могут придумать, что является очень эффективным приемом.

В сфере развития социального партнерства стремительно набирает обороты технология pro bono, идея которой использовалась на просторах нашей страны довольно давно, однако, системно принципы pro bono в компаниях только формируются в систему.

Pro bono (от лат. pro bono publico, или «ради общественного блага») – профессиональные услуги некоммерческим, благотворительным, общественным и другим организациям и частным лицам, оказываемые бесплатно или по символической цене.

Лидеры pro bono в мире, так называемая «большая четверка» – PWC, Deloitte, KPMG и E&Y. Эти компании оказывают аудиторские и консалтинговые услуги.

Их социальный вклад – во-первых, интеллектуальное волонтерство: юридическая, аудиторская, hr-поддержка НКО, разработка маркетинговой стратегии, оценка эффективности проектов на безвозмездной основе.

Во-вторых, образовательное волонтерство – обучающие семинары и тренинги, чтобы усилить профессиональные навыки команды фонда.

Информатизация нашего общества уже сейчас преобразовала отношения в обществе, многие процессы, технологии, системы в мире. Информационные технологии продолжают развиваться, обеспечивая все сферы жизнедеятельности человека все новыми и новыми возможностями.

Одной из глобальных инноваций, призванных изменить не только социальную сферу, но и все представления о существующем мире и деятельности в нем, является технология блокчейна (blockchain), который представляет собой «базу данных, которая в прямом смысле этого слова представляет собой непрерывную цепь из блоков и хранится одновременно на множестве компьютеров» [1].

Блокчейн использует публичный регистр, хранящий все данные, обрабатываемые в блокчейн-протоколе. Другими словами, нет центрального сервера, который может быть взломан, чтобы получить доступ к данным. И нет одного конкретного человека, владеющего сервером и на которого можно повлиять.

Работу технологии блокчейн можно сравнить с прозрачным сейфом из особого прочного стекла. В нем каждый зарегистрированный пользователь может что-нибудь хранить. Посмотр-

реть через стекло может каждый, а вот забрать или изменить данные даже владельцу не всегда под силу. Вскрыть или взломать данный сейф невозможно [2].

Блокчейн уже перестал быть просто технологией, обеспечивающей работу биткоина. Сегодня он применяется в инновационных социальных проектах в самых разных областях: это и децентрализованные облачные сервисы для здравоохранения, в том числе записи пациентов, микрофинансовые транзакции, облачное обучение и многое другое [3].

Эксперты Merсy Corps видят много потенциальных преимуществ этой технологии для международного развития, включая:

- новые способы наращивания доверия и сокращения затрат (повышение прозрачности и подотчетности может повысить доверие, а использование блокчейна упростит финансовые транзакции и контрактные соглашения, снизит транзакционные издержки и повысит эффективность);

- новые способы благотворительности (цифровые валюты и способность к токенизации активов открывают новые пути для благотворительности);

- новые способы решения социальных проблем (управление цифровой идентификацией может улучшить ситуацию с гражданскими правами и расширить возможности отдельных лиц; цифровые валюты открывают новые возможности для защиты ценных активов и содействия финансовой интеграции) [4].

Преимущества использования блокчейна в социальном секторе:

- гарантирует верифицируемость, прозрачность и достоверность;
- помогает снизить транзакционные издержки;
- помогает более эффективно распределять и отслеживать платежи;
- повышает доверие.

В докладе Merсy Corps также отмечается, что внедрение блокчейна позволит повысить эффективность и сократить расходы по всему социальному сектору.

Конечно, впереди еще много работы, поскольку эта технология продолжает развиваться, но примеры ее успешного использования на рынке уже имеются. Контроль всех изменений и разработок этой захватывающей технологии имеет первостепенное значение для будущего социальных программ, поскольку ожидания доноров и потребителей продолжают переходить к более прямой и прозрачной модели.

Еще одной довольно инновационной технологией, все шире используемой в социальной работе в широком ее понимании, является краудфандинг.

Краудфандинг (из английского языка и делится на «crowd» («толпа») и «funding» («финансирование») – массовый сбор средств для определенного проекта, или реализации конкретной идеи.

Уникальность краудфандинга заключается в том, что для поиска и привлечения финансирования используются интернет-платформы, которые помогают получать как небольшие, так и относительно существенные инвестиции от огромного количества людей.

Данную технологию фандрайзинга характеризует открытость сборов – инициаторы сбора денег в начале создания проекта называют сумму, которую им нужно собрать в течение конкретного периода времени. Площадка должна быть открыта для каждого посетителя краудфандинговой платформы. Информация о расходах и вознаграждениях, если они предполагаются, так же должна быть прозрачна для всех пользователей.

Краудфандинг в России на сегодняшний день это принципиально новый метод финансирования при помощи интернета, для которого характерны простота и массовая доступность.

Технологии краудфандинга могут применяться как для финансирования различных социальных проектов, что само по себе служит развитию социальной сферы и укреплению гражданского общества, так и для сборов частных лиц на реализацию их творческих планов, что также может служить методом социокультурной абилитации или реабилитации.

С точки зрения информатизации социальной сферы результатом таких процессов могут стать также такие инновации, как «тревожная кнопка» для пожилых людей, GPS трекеры для детей, также трекеры, позволяющие отслеживать родным состояние здоровья хронически больных людей. Внедрение данных гаджетов, несомненно, повышает качество жизни семей, а также одиноких пожилых граждан.

Синтезом информационных технологий, рго bono, а также технологий развития инновационного мышления является краудсорсинг.

Под краудсорсингом следует понимать мобилизацию ресурсов людей посредством информационных технологий для решения практических задач в политической, экономической,

социальной и культурной сфере. В переводе с английского «краудсорсинг» означает ресурсы толпы (crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов».) Это направление создано в расчете на предполагаемое желание потребителей бесплатно или за небольшую цену поделиться своими идеями исключительно из интереса увидеть эти идеи воплощенными [5].

Чаще всего, реализация технологии краудсорсинга осуществляется посредством социальных сетей или иных коммуникационных ресурсов.

Использование краудсорсинга по сравнению с другими стандартными инструментами решения интеллектуальных задач для бизнеса и общественности имеет следующие преимущества [6]:

- дистанционная коллективная работа над идеями (с помощью Интернета в работу может быть вовлечен коллектив талантливых людей со всего мира);
- возможность тестирования новых идей, продуктов, услуг на конечных потребителях, которыми являются его участники;
- высокая эффективность за счет быстроты, относительно низкой стоимости и нестандартных решений;
- отбор и доработка предложений участниками краудсорсинга;
- на основе рейтингования возможно выявление лучших экспертов среди участников силами самих участников [7].

Наиболее значимым с позиции достижения цели социальной работы является удовлетворение потребностей клиентов в социальных услугах. Инновационная социальная работа должна строиться на опережающем, эвристическом предложении услуг, которое будет порождать осознанный спрос на них.

Так как в сферу интересов автора данной статьи входит прежде всего работа с людьми с инвалидностью, позволим себе остановиться именно на этом аспекте социальной работы.

В настоящее время в социальной сфере работы с людьми с ОВЗ и людей с инвалидностью появился ряд услуг, которые, на наш взгляд, могут называться инновационными.

Услуга «Передышка». Уход за ребенком с особенностями развития требует от родителей больших усилий и иногда занимает практически всё время. Проект «Передышка» дает возможность родителям детей с инвалидностью воспользоваться помощью специально обученной профессиональной семьи, на время доверив ей заботу о ребенке. Такой простой вид помощи позволяет снизить психологическую напряженность в семье, главное - сохранить ребенка в семье [8].

Сопровождаемое проживание людей с инвалидностью. Под сопровождаемым проживанием инвалидов понимается стационарозамещающая технология социального обслуживания, предусматривающая возможность предоставления инвалидам социальных услуг, услуг по реабилитации и абилитации, образовательных услуг и проведения мероприятий по социальному сопровождению инвалидов в целях компенсации (устранения) обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности и сохранения пребывания в привычной, благоприятной для него среде.

Сопровождение маломобильных граждан в метро (в транспорте):

Категории инвалидов и иных маломобильных граждан, обслуживаемых Центром обеспечения мобильности пассажиров: инвалиды – всех форм инвалидности; дети-инвалиды; лица пожилого возраста; родители с детьми и/или колясками; временно маломобильные; организованные группы детей; лица, испытывающие фобии (страх перед эскалаторами, боязнь замкнутого пространства и т.д.).

Введение данной услуги в Москве показало высокую востребованность подобных услуг. Тем более востребованной данная услуга является в регионах, где общественный транспорт не настолько адаптирован для нужд маломобильных граждан.

Введение услуги ассистента (помощник) по оказанию технической помощи лицам с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья [9] – потенциально законодательно услуги данного специалиста предусмотрены. Разработана необходимая законодательная база, однако, при высокой актуальности, данная услуга пока не оказывается.

Еще одной инновационной технологией, на наш взгляд, способствующей решению сразу нескольких социальных проблем и удовлетворяющей потребности и интересы нескольких сторон, хотя и не являющейся услугой в чистом виде, является организация конкурсов по профессиональному мастерству среди инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья «Абилимпикс». Довольно распространившаяся в России за последние 2–3 года технология, в первую очередь, удовлетворяющая потребности людей с ОВЗ и инвалидностью, в трудоустройстве. Во-

вторых, решающая глобальную задачу трансформации общественного мнения в сторону социокультурной модели инвалидности. В-третьих, данные мероприятия создают беспрецедентную платформу для организации социального партнерства НКО, образовательных организаций, органов власти, бизнеса.

Социальная работа, развиваясь вместе с обществом постоянно претерпевает изменения, в частности, касающиеся применения инноваций для решения социальных проблем. Вместе с тем, появляются новые проблемы, не характерные еще для общества даже 10 лет назад. Таким образом, специалисты в области социальной работы обязаны мыслить креативно, перспективно, развиваться, и совершенствоваться в области своей деятельности.

Литература:

1. Блокчейн – что это понятным языком. – URL : <http://bestinvestpro.com/blokchejn-chto-etoponyatnym-yazykom/>
2. Блокчейн: новое поколение социальных сетей. – URL : <https://torify.me/blog/blockchain-a-new-generation-of-social-networking.html>
3. Арянова Т. Как использовать блокчейн на благо общества: 11 проектов. – URL : <https://ru.ihodl.com/technologies/2016-08-02/kak-ispolzovat-blokchejn-na-bлаго-obshestva-11-proektov/>
4. Технология блокчейн – будущее социального воздействия. – URL : <https://blockchainwiki.ru/blokchejn-budushhee-sotsialnogo-vozdeystviya/>
5. Андреева Ю.Ю. Введение в «краудсорсинг» – один из инновационных инструментов развития высшего образования // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2014. – Вып.1. – С. 32–37.
6. Долженко Р.А. Некоторые аспекты оценки эффективности использования краудсорсинга в организации. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-otsenki-effektivnostiispolzovaniya-kraudsorsinga-v-organizatsii> (дата обращения: 13.04.2017).
7. Зарубина Ю.Н. Применение инновационных социальных технологий краудсорсинга в социальной работе // Социальная работа в XXI веке: проблемы и перспективы. – Ярославль, 2017. – С. 26–29.
8. Проект «Передышка». – URL : <http://so-edinenie.org/o-fonde/proekty.php>
9. Об утверждении профессионального стандарта «Ассистент (помощник) по оказанию технической помощи инвалидам и лицам с ограниченными возможностями здоровья» : Приказ Минтруда России от 12.04.2017. № 351н (зарегистрировано в Минюсте России 04.05.2017 № 46612). – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216539/

Literature:

1. Blockchain is what it's all about. – URL : <http://bestinvestpro.com/blokchejn-chto-etoponyatnym-yazykom/>
2. Blockchain: a new generation of social media. – URL : <https://torify.me/blog/blockchain-a-new-generation-of-social-networking.html>
3. Arjanova T. How to use blockchain for the benefit of society: 11 projects. – URL : <https://ru.ihodl.com/technologies/2016-08-02/kak-ispolzovat-blokchejn-na-bлаго-obshestva-11-proektov/>
4. Blockchain technology - the future of social impact. – URL : <https://blockchainwiki.ru/blokchejn-budushhee-sotsialnogo-vozdeystviya>
5. Andreeva Yu. Introduction to «crowdsourcing» – one of the innovative tools for the development of higher education // Russian regions: a look into the future. – 2014. – Issue 1. 32–37.
6. Must R.A. Some aspects of the assessment of the effectiveness of crowdsourcing in the organization. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-otsenki-effektivnostiispolzovaniya-kraudsorsinga-v-organizatsii> (contact date: 13.04.2017).
7. Zarubina Y.N. Application of innovative social technologies of crowdsourcing in social work // Social work in the XXI century: problems and prospects. – Yaroslavl, 2017. – P. 26–29.
8. Project «Breakfast». – URL : <http://so-edinenie.org/o-fonde/proekty.php>
9. On the approval of the professional standard «Assistant (assistant) to provide technical assistance to disabled persons and persons with disabilities» : Order of the Ministry of Labor of Russia from 12.04.2017. № 351n (registered in the Ministry of Justice of Russia 04.05.2017 № 46612). – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216539/

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИНЕРЦИОННОГО СЦЕНАРИЯ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД

OVERCOMING THE INERTIAL SCENARIO IN THE PRACTICE OF RUSSIAN MODERNIZATION: RESOURCE APPROACH

Гнатюк Максим Александрович
кандидат социологических наук,
преподаватель,
Самарский государственный
университет путей и сообщения
gnatuk_m@yandex.ru

Maxim A. Gnatyuk
Candidate of Sociological Sciences,
Teacher,
Samara State Transport
gnatuk_m@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществляется попытка проанализировать перспективы преодоления инерционной траектории, в рамках которой развивается последнее десятилетие Россия. Результаты исследования позволяют констатировать, что обладающая инерционным «зарядом» российская политическая система становится сдерживающим фактором креативных интенций, а социальные ресурсы преодоления инерционности явно недостаточны в условиях слабости гражданского общества и доминирования бюрократической элиты, инерционно сложившейся на основе прежней партийно-советско-хозяйственной номенклатуры.

Ключевые слова:

социальная инерция, модернизация, инерционный сценарий, креативность, социокультурные изменения.

Annotation.

The article attempts to analyze the prospects of overcoming the inertial trajectory in which the last decade of Russia is developing. The results of the study allow us to state that the Russian political system, which has an inertial «charge», becomes a limiting factor of creative intentions, and the social resources to overcome inertia are clearly insufficient in the conditions of the weakness of civil society and the domination of the bureaucratic elite, inertly formed on the basis of the former party-Soviet-economic nomenclature.

Keywords:

social inertia, modernization, inertial scenario, creativity, sociocultural changes.

Динамика российских социокультурных изменений все больше заставляет концентрировать исследовательский поиск в направлении выхода за рамки анализа «первичной» реальности. В российском обществе воспроизводство и трансформация социальности происходит в сложных и противоречивых условиях, когда деятельностные тренды доминирующих социальных субъектов, практики социального поведения, традиционные компоненты ценностной системы, сложившиеся типы массового сознания зачастую противостоят нововведениям, препятствуют усвоению инноваций и укоренению современных социальных институтов.

Заметную роль в этих процессах играет социальная инерция, следствием которой является то, что постсоветское российское общество во многом выступает продолжением общества советского – от сохранения и воспроизводства номенклатуры до возрождения и консервации, казалось бы, изживших себя советских культурных норм и образцов, социальных институтов и ритуалов в контексте практики «равнения на прошлое».

Инерционность обуславливает как характеристики устойчивости, так и изменчивости, поскольку проявляется через как сохранение существующих характеристик социального движения, так и через торможение складывания новых отношений и характеристик общества. В силу этого исследование социальной инерционности продвигает социальное познание в области социокультурной динамики.

Исследовательский интерес к феномену социальной инерции определяется также растущим многообразием и сложностью типов и путей общественного развития и социальной трансформации. Обращение к феномену социальной инерции в контексте российских социокультурных изменений связано с проблемным полем осмысления социальной реальности через

выявление противоречий, обусловленных «запаздывающим», инерционным характером общественных преобразований. Тематика социальной инерции как свойства социальных систем сохранять свое привычное состояние, возвращаться к изжившим пластам культуры и социальной памяти, элементам социальных отношений и властным практикам в пространстве социокультурных изменений все более отчетливо позиционируется в социальном познании и требует своего социально-философского осмысления.

Проведенное в этом направлении исследование позволило прийти к ряду интересных выводов.

В современном российском обществе воспроизводство и трансформация социальности происходит в достаточно противоречивых условиях, когда доминирующие практики социального поведения, традиционные компоненты ценностно-нормативной системы, сложившиеся типы массового сознания, следуя социальной инерции, зачастую отторгают нововведения, препятствуют усвоению инноваций и укоренению современных социальных институтов. Проявление инерционности в российском обществе – это отражение, с одной стороны, его недостаточной готовности к серьезной модернизации, переход к которой связан с новыми рисками, с другой, подмена модернизации поиском опоры не только в стандартных формах общественного бытия, но и в скрытых в архетипах массового сознания. В подобных обстоятельствах важную роль начинают играть социальные ресурсы преодоления инерционности в сценариях и практике модернизации.

Для Ю.Г. Волкова развернувшаяся дискуссия о предпосылках, направленности и целях модернизации обладает тремя особенностями. Первое – это осознание того, что Россия не может развиваться по схеме догоняющей модернизации, что заставляет задуматься об альтернативной модели развития, связанной с использованием социокультурного потенциала, вовлечением в модернизационные процессы социально активных, творчески настроенных слоев общества. Второе – это подход к модернизации в качестве возможного, но не исторически предопределенного процесса, что требует не просто обращения к традициям, но прогнозирования вероятных социальных достижений и издержек. Наконец, третье. Модернизация есть процесс взаимоуязванного решения социальных, социально-экономических, политических проблем и призвана соединять стремления к экономическому росту и социальной справедливости [1].

Предлагаемые сценарии модернизации вызывают серьезный интерес. Так, в 2009 году был опубликован доклад «Выбор России: катастрофа или революция сверху?», подготовленный Институтом национальной стратегии (авторы: М. Ремизов, Н. Кричевский, Р. Карев, Д. Верхотуров, М. Фейгин, С. Белковский).

В нем говорится о том, что классическая постсоветская модель для России, которая сложилась во второй половине 1990-х гг. и приняла стабильные очертания в 2000–2008 гг., предполагает:

1. Преимущественную ставку правящей элиты на утилизацию и эксплуатацию советского наследия *противовес модернизации*;
2. Опору на экспортно-сырьевой сектор экономики в ущерб развитию других отраслей;
3. Развивающийся и углубляющийся *авторитаризм* как неизбежный гарант политико-социальной стабильности в условиях данной модели развития.

Авторы доклада констатируют: Россия нуждается в модернизации позднеиндустриального типа. Попытки провести элитарную модернизацию или повторить отечественный опыт модернизации по имперской модели, нацеленной на создание мощного ВПК, объективно обречены на неудачу. Поскольку в пока еще инертном с существенными элементами архаики обществе отсутствует консенсус по поводу модернизации, то последняя на начальном этапе возможна только как модернизация «сверху», авторитарная. Иного не может быть при отсутствии полноценного гражданского общества и свободного гражданина. В перспективе же должна быть осуществлена деприватизация государства одновременно с активными усилиями по формированию гражданского общества [2].

Уже в 1990-е гг. «новые элиты, ядром которых стала бывшая партийно-хозяйственная номенклатура, взялись не за построение «экономики для всех», а приватизацию самых прибыльных предприятий, доставшихся политической власти в качестве «трофеев» советской экономики. Перед новым правящим слоем стояла одна задача – в течение короткого исторического периода стать классом собственников в стране, обладающей огромными природными ресурсами. «...» Большинство же населения, не имевшее адекватных представлений о рыночной экономике и не обладавшее знаниями и навыками, необходимыми для приспособления к новым условиям, проявляло растущее безразличие к общенациональным политическим проблемам и

будущему России и сосредоточилось на задачах выживания. В этих условиях не мог сложиться общенациональный консенсус по вопросу перспектив развития страны» [3].

Таким образом, в 1990-е годы ведущими в социальной жизни становятся инерция «хапка» и инерция выживания – все это во многом шло от советской эпохи. Повлияли слабость демократического движения и гражданского общества. Кроме того, доминирующая роль которую продолжала удерживать партийно-советско-хозяйственная номенклатура, не смотря на уже начавшиеся трансформационные процессы.

Переход общества с инерционной траектории на траекторию национального развития требует серьезных социальных ресурсов.

Будем исходить из того, что социальным ресурсам относятся все те ресурсы, которыми располагает данное общество, в том числе материальные и духовные (естественные и созданные человеком богатства). Социальные ресурсы - это реальные и потенциальные возможности, которые, актуализируясь в определенных условиях, способны обеспечивать достижение поставленных целей в процессе социального взаимодействия. Среди социальных ресурсов особенно важны ресурсы власти и управления, которые носитель власти (субъект управления) использует для обеспечения повиновения других участников властно-управленческих отношений (объектов власти и управления).

Согласно А.В. Дятлову, в социальные ресурсы, то есть, способность общества к самотрансформации, входят креативные, инновационные, мобилизационные, образовательные, солидаристские устремления и возможности [4]. Исследование ресурсного аспекта социального развития позволяет этому автору сформулировать важные выводы о том, что развитие определяется теми возможностями, которые выбирает общество, а также готовностью к переменам «ради будущего».

Эти ресурсы функционируют и проявляют себя в условиях новой социальности, которая формируется в процессе выхода из старой системы, и в основе которой – социальный запрос на реформаторскую «повестку дня».

В докладе аналитиков Института современного развития (ИНСОП), опубликованном в 2010 году, говорится: «...в современном мире главным ресурсом развития становятся творческие способности человека, его энергия и инициатива. Кардинально перестраивается система отношений. Паразитарно-распределительные ценности замещаются творчески-производительными. Историческим рудиментом становится авторитаризм в политике и управлении, в перераспределении собственности и контроле над экономикой, в идеологии и культуре, в коммуникациях и социальной сфере» [5].

То есть, «...В постсоветской России реформирование направлено на институциональные аспекты преобразования плановой экономики в рыночную и практически отсутствовало внимание к социальной сфере. Трансформация социальной структуры российской общества приобрело в подобных условиях стихийный характер. Соответственно, направленность реформ 1990-х годов выразилась в концентрации наибольшей активности в торгово-финансовой и топливно-сырьевой сферах, где и сосредоточился основной слой современных российских собственников. Следствием стало нарастание кризисных процессов: социальных, культурных, этнических. Сказывается и период предшествующего развития» [6].

После дефолта 1998 года, приходит к выводу А. Рябов в работе «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в постстабилизационную эпоху», который так драматически завершил целый период экономического развития, «взгляды российской элиты на будущее России претерпели определенные изменения. При этом сказались объективные факторы. К этому времени существенная часть ресурсов «трофейной» советской экономики оказалась исчерпанной, а основная собственность – поделенной. Понадобился переход к более совершенным формам организации социально-экономической деятельности. С теоретических позиций продолжение трансформации общества на рыночных основаниях является необходимым условием для реализации проекта модернизации. Однако российская элита рассматривает эти реформы не столько как стратегию перехода к новому обществу, основанному на принципах открытого рынка и конкурентной демократии, благоприятствующему развитию человеческого капитала, сколько как инструмент оптимизации нынешней системы, ее успешной адаптации к быстро меняющейся реальности, а, стало быть, сохранения своего безусловного доминирования» [7].

В условиях модернизационных процессов в обществе начинают доминировать законы рынка. Политика также начинает выступать в качестве рынка товаров и услуг, где действуют не персоналии, но конкурирующие брэнды, марки, фирмы-посредники, интернациональные корпо-

рации, СМИ. Сформировавшийся новый, рыночный тип общества проявил низкий уровень постсоветских политических технологий. В современных условиях влияние предрассудков старого общества на современное развитие государства и его институтов значительно ослабло.

Существенную роль в данном контексте начинает играть манипулятивная составляющая российской власти как культурное, технологическое, образовательное наследие советского общества, его политической подсистемы, определявшей модели социально-экономического развития государства [8]. Ныне все модернизационные новации сводятся, как правило, к риторике. Власть демонстрирует устремленность к модернизации, но только на словах. То есть, фактически политика как совокупность гражданско-правовых практик прекратила своё существование.

Обладающая мощным инерционным «зарядом» политическая система общества становится сдерживающим фактором креативного начала. Недаром, характеризуя модернизацию как «модель выживания», Н. Петров говорит о том, что политическая система оказалась примитивизированной донельзя, поскольку во время растущих финансовых возможностей оказались демонтированными многие механизмы, казавшиеся ненужными, включая элементы системы сдержек и противовесов, федерализм, блоки прямой и обратной связи между гражданами и властью [9]. «Российские верхи так и не предложили обществу никакого «проекта будущего» для страны, который позволил бы оптимальным образом организовать социальное, экономическое и политическое пространство России. Стандартный набор мер, рассчитанных на рыночные реформы в экономике и демократические преобразования в политической сфере, практически не учитывал особенностей страны. У российских властей не было четких представлений о том, какую общественную модель они хотели бы получить в результате масштабных изменений. Да и изменения эти не сопровождалась для большинства населения подъемом благосостояния, отчего уже с середины 1990-х годов общество начало их отторгать» [10].

Итак, переход общества с инерционной траектории на траекторию национального развития требует, прежде всего, преодоления авторитарно-самодержавной инерции.

Интересна точка зрения Э. Паина, который говорит о том, что у нас нет исторической колеи, а есть авторитарная инерция, которая вполне может быть преодолена. Нынешняя инерция политической системы обусловлена не столько силой традиции и устойчивостью рамок определенной исторической колеи, сколько слабостью импульсов для перемен персоналистского режима России, слабостью вызовов ей. Однако ресурсы инерционной системы исчерпаемы. И именно в социокультурной сфере данное истощение начинает себя проявлять, в частности, в снижении легитимности всего политического режима. Власть пока терпит в надежде, что она поможет справиться со вседозволенностью чиновников на местах, но ресурс личного авторитета – быстро портящийся [11].

Сегодня со всей отчетливостью стоит задача преодоления инерции имитационной модернизации. Однако сохранение авторитарно-государственного монополизма в политике и экономике препятствует решению этой задачи.

Сегодня в России государства, в современном понимании, нет. Государственная машина приватизирована номенклатурой и примкнувшей к ней олигархией. Собственно «олигархи» – это часть номенклатуры, курирующая бизнес-проекты. «Собственность» в России – не юридическая категория. Не случаен оборот «кусок собственности». Чем выше человек в номенклатурной иерархии, тем больший «кусок» ему достается. В такой системе основной является аппаратная конкуренция, а не экономическая.

Государственная машина необходима для того, чтобы вся эта система выглядела легитимной. Разбой под «крышей» государства преподносится как «забота о национальных интересах». Государство является важнейшим источником социального статуса. Богатство не позволяет решить эту проблему на должном уровне. Поэтому многие бизнесмены стремятся стать депутатами, получить государственные награды и т.д. В этом смысле бизнес очень «патриотичен». Российское государство, его многовековая великая история – бренд, к которому очень выгодно прилепиться [12].

Проявление инерционности в российском обществе – это отражение его недостаточной готовности к полноценной, а не половинчатой модернизации, модернизации, связанной с новыми рисками, которые подменяются стремлением найти опору в привычных формах общественного бытия. В обществе сохраняются значимые факторы, препятствующие преодолению инерционности. При этом инерционная составляющая проявляется в ситуации утраты основной массой населения уверенности в завтрашнем дне, отсутствия понимания причин и сути происходящего.

В подобных обстоятельствах важную роль призваны сыграть социальные ресурсы преодоления инерционности. Об этом немало говорится в сценариях модернизации. Однако сохранение авторитарно-государственного монополизма в политике и экономике, всевластие бюрократической неономенклатуры препятствует решению задач мобилизации социальных ресурсов модернизации.

Литература:

1. Волков Ю.Г. Креативное общество как цель российской модернизации // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 25.
2. Выбор России: катастрофа или революция сверху? : Доклад Института национальной стратегии. – URL : www.apn-nn.ru/2009-07-13
3. Рябов А. «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в пост-стабилизационную эпоху. – М. : Гендальф, 2005. – С. 8.
4. Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества. – Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ, 2004. – С. 10.
5. Россия XXI – образ желаемого завтра : Доклад ИНСОРа. – URL : www.insor-russia.ru/2010/
6. Рябов А. «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в пост-стабилизационную эпоху. – М. : Гендальф, 2005. – С. 15.
7. Рябов А. «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в пост-стабилизационную эпоху. – М. : Гендальф, 2005. – С. 15–16.
8. Корнев В. Политика. – URL : <http://www.promegalit.ru/>
9. Петров Н. Модернизация как модель выживания // Московские новости. – 2011, 11 апреля.
10. Рябов А. «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в пост-стабилизационную эпоху. – М. : Гендальф, 2005. – С. 50–51.
11. Паин Э. Распутица: Poleмические размышления о предопределенности пути России. – М. : РОССПЭН, 2009. – С. 176–178.
12. Цуладзе А. Полураспад Системы, или Эпоха «волюнтаризма». Имитационная модернизация // Ежедневный журнал. – 2009, 16 ноября.

Literature:

1. Volkov Yu.G. Creative society as a goal of the Russian modernization // Sociological research. – 2011. – № 11. – P. 25.
2. Choice of Russia: a catastrophe or a revolution from above? Report of the Institute of National Strategy. – URL : www.apn-nn.ru/2009-07-13
3. Ryabov A. «Integrity» instead of modernization: paradoxes of Russian politics in the post-stabilization era. – M. : Gandalf, 2005. – P. 8.
4. Dyatlov A.V. Social resources of the Russian society development. – Rostov-on-Don : SKNKS VSH, 2004. – P. 10.
5. Russia XXI – image of the desired tomorrow : INSOR's report. – URL : www.insor-russia.ru/2010/
6. Ryabov A. «Identity» instead of modernization: paradoxes of Russian politics in the post-stabilization era. – M. : Gandalf, 2005. – P. 15.
7. Ryabov A. «Integrity» instead of modernization: paradoxes of Russian politics in the post-stabilization era. – M. : Gandalf, 2005. – P. 15–16.
8. Kornev V. Politics. – URL : <http://www.promegalit.ru/>
9. Petrov N. Modernization as a survival model // Moscow News. – 2011, April 11.
10. Ryabov A. «Integrity» instead of modernization: paradoxes of Russian politics in the post-stabilization era. – M. : Gandalf, 2005. – P. 50–51.
11. Pain E. Rasputitsa: Polemic reflections on the predetermination of the path of Russia. – M. : ROSSPEN, 2009. – P. 176–178.
12. Tsuladze A. Semi-decay of the System, or the era of «voluntarism». Simulation modernization // Daily journal. – 2009, November 16.

**ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ
В СОЦИАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ**

**DETERMINATION OF BEHAVIOR OF YOUTH
IN SOCIAL INSTITUTIONS OF THE MODERN FAMILY**

Гришай Жанна Георгиевна

кандидат социологических наук, доцент,
Ессентукский институт
управления бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Zhanna G. Grishay

Candidate of sociological sciences,
Associate Professor,
Yessentuki institute
of management of business and right
milena.555@mail.ru

Гребенюк Диана Валерьевна

соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский
государственный университет
milena.555@mail.ru

Diana V. Grebenyuk

Applicant of department
of philosophy and sociology,
Adygei state university
milena.555@mail.ru

Афанасенко Мария Сергеевна

соискатель кафедры
общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Maria S. Afanasenko

Applicant of department
of all-humanitarian
and natural-science disciplines,
Yessentuki institute
of management, business and right
milena.555@mail.ru

Аннотация.

В статье раскрывается обращение к социологии внутрисемейной идентичности, составляющее важный предмет нашего научного интереса. Предпочитаемый ориентир культуры поведения, есть результат процесса, правомерный вариант объективации продукта первичного ценностного предпочтения. Подобный подход, однако, не раскрывает сущности такого сложного феномена, каким является внутрисемейная идентичность в культуре поведения молодёжи. Осязаемые результаты в исследовании можно получить только в сфере пересечения двух обширных областей аксиологического значения. Одна из них – методологические проблемы ценностного ориентирования, другая – теория оценки и переоценки.

Ключевые слова:

культура поведения, молодежь, общество.

Annotation.

The article reveals an appeal to the sociology of family identity, which is an important subject of our scientific interest. The preferred reference point of the culture of behavior is the result of the process, a legitimate option of objectification of the product of primary value preference. Such an approach, however, does not reveal the essence of such a complex phenomenon as intra-family identity in the culture of youth behavior. Tangible results in the study can be obtained only in the intersection of two broad areas of axiological significance. One of them – methodological problems of value orientation, the other – the theory of evaluation and reassessment.

Keywords:

culture of behavior, youth, society.

Разграничение ценностных ориентаций и социально-практической деятельности не является проблемой в собственном смысле слова, поскольку не вызывает сомнения факт активной роли оценки в человеческой деятельности.

Проблема возникает, когда обнаруживается несоответствие оценочной и социально-практической деятельности, их рассогласование. Проблема эта фиксируется в целом ряде высказываний классиков, в трудах философов, социологов, психологов, историков, искусствоведов. Характеризуя эту проблему, исследователи, как правило, имеют в виду противоречие или несоответствие между содержанием оценок и содержанием поступков, практической реализацией намерений. Это несоответствие имеет социальное и индивидуальное значение и фиксируется средствами социально-философской теории, социологического и психологического анализа, описывается в предмете различных научных дисциплин. Поиск решения проблемы рассогласования и социально-практической деятельности имеет важное значение для понимания рассматриваемой проблемы соотношения всеобщности и необходимости в выборе достоверных ценностных ориентиров культуры личности.

Эти направления аксиологии семейной культуры, требуют надёжного фактического анализа. Внутрисемейная идентичность, как некая целостность, обладающая особым социальным статусом, способами бытия и функционирования в обществе, вызывает у исследователей всё больший интерес. Но общепринятой и разработанной в деталях теории продукта ценностных ожиданий, наука до сих пор не имеет: многое здесь ещё не откристаллизовалось и находится в процессе становления, активных поисков, обсуждения и дискуссий. В связи с этим особый интерес вызывает вопрос о том, какие же основные моменты следует положить в основу рассмотрения внутрисемейной идентичности в социологическом исследовании?

В качестве первого из них назовем подход к продукту мотивации социализации как к центральному элементу в системе социологии личности. На современном этапе развития аксиологии, в социальной теории, всё более рельефно выделяются три относительно самостоятельные сферы, образующие специфическую подсистему. Первым звеном этой подсистемы является процесс оценки, вторым – переоценки и третьим – ценностная идентичность. Это и дает возможность рассматривать продукт мотивации внутрисемейного поведения молодёжи, с одной стороны, как непосредственный результат оценки, продукт творческой деятельности человека, а с другой – как объект аксиологического восприятия.

Вторым моментом детерминации поведения молодёжи в социальном институте современной семьи, можно считать всесторонне обоснованное положение о том, что ценность есть некое качественно-определенное, относительно замкнутое целое. И вместе с тем – открытая по отношению к социально-исторической действительности и культуре, система. Благодаря этому совокупность факторов детерминации культурного поведения в целом, определяется, с одной стороны, внутренней логикой процесса любого выбора, а с другой стороны – социальной реальностью. При этом ведущая роль принадлежит, конечно, конкретно-историческим и социально-культурным детерминантам социализации молодёжи. Здесь понимание культурного поведения молодёжи, как самодовлеющей, абсолютно автономной структуры, требует особого пояснения. Оно актуально потому, что в нём заключены отрыв ценности от действительности, произвольная изоляция оценки от общественных потребностей, социально-исторических истоков человеческой культуры. В то же время, традиционно, семья выступает в качестве базовой основы ценностей молодёжи [1].

Третьим важным моментом в теории внутрисемейной социализации, является представление о ней как о сложном, многосоставном целом, природа которого может анализироваться с различных сторон, в разных аспектах. Однако в существующем многообразии складывающихся приемов и способов исследования (психологических, педагогических, семиотических и др.), безусловно, основными, наиболее фундаментальными, являются гносеологический и социологический подходы, дополняющие и в некоторых случаях взаимно обуславливающие друг друга.

Четвертый момент, представляющий особый интерес для исследователей – трактовка результата внутрисемейной идентичности, как сложного материально-идеального образования. При решении вопроса о способе его существования следует учитывать, что бытие, как таковое, присуще не только материи, но и сознанию. Разница между ними заключается совсем не в том, что материальное существует, а сознание якобы нет. Материальное и идеальное проявляются, соответственно, как объективная и субъективная реальность внутрисемейной социализации.

Следующим, пятым моментом рассматриваемого нами подхода, можно считать то обстоятельство, что материальным основанием поведения молодёжи, является, прежде всего, его предметная, материально-физическая основа. Взятый под этим углом зрения предмет культурной детерминации, есть материальная сущность, некая единица объективной, предметно-физической реальности. К материально-физической стороне внутрисемейного поведения молодёжи, таким образом, следует отнести, внешнюю предметность окружающей действительности.

Шестой момент – исключительно важное положение, согласно которому материальный план внутрисемейной социализации молодёжи не исчерпывается его предметно-физической стороной. Результат этого процесса является по своей сущности следствием свойств, которые обнаруживаются в отношении к другим людям, предметам, процессам. Таким образом, его правомерно рассматривать как духовное свойство и совокупность отношений одновременно. Ценность как отношение трактуют А. Еремеев, М. Каган, С. Ласло, А.Г. Харчев, Б. Чагин, В. Шедраков и другие авторы. Существует, однако, – отмечает Е. Гуренко, – и иная точка зрения, с позиции которой ценности рассматриваются как материальные и духовные объекты или их свойства, обладающие способностью удовлетворить материальные и духовные потребности общества, класса или отдельной личности (В. Тугаринов, А. Шишкин, С. Попов, Г. Головных, В. Василенко и др.).

Таким образом, распространенный в современной теории идентичности взгляд на систему факторов детерминации поведения молодёжи как на некое единство субъекта и объекта, реализуется, прежде всего, в ценностном отношении. В признании социальной значимости продукта воздействия для общества и индивида. Ценность вещи не тождественна самой вещи. Вещь является носителем ценности, необходимым условием ее объективного существования. Однако наличия самой по себе вещи еще недостаточно для возникновения ценностного отношения. Объективное значение ценности социализации выявляется только в социально-культурном поле, в процессе общественно-исторической практики. При этом главным центром детерминации идентичного поведения является субъект культуры. Внутрисемейная идентичность в данном случае реализуется в рамках предметно-практического отношения между объектом и субъектом.

Следовательно, единство целостного объекта и собственно ценности можно рассматривать как важнейший источник поиска ценностных отношений в окружающей действительности. Совокупность факторов детерминации поведения есть образование не только вещно-физического, но значительно более сложного, культурно-психологического порядка. Оно имеет не только и, точнее говоря, не столько онтологический статус, сколько статус социальный. Характеризуя стороны того взаимодействия, которое и определяет социальное бытие института семьи, необходимо понимать, что едва ли можно однозначно, раз и навсегда их перечислить, указать, между чем и чем возникают такие отношения. Их можно обнаружить между материальными предметами, правовыми установками, между специфическими особенностями данного вида ценности или способа оценки и характерными чертами восприятия, оценочных ориентаций субъекта.

Литература:

1. Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 78.
2. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социс. – 2006. – № 7. – С. 45.

Literature:

1. Lapin N. And. How do they feel, what do the citizens of Russia aspire to // Sociological research. – 2003. – № 6. – P. 78.
2. Habermas Yu. When we need to be tolerant? On the competition of world visions, values and theories // Socis. – 2006. – № 1. – P. 45.

**ДЕМОНСТРАТИВНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СПЕЦИФИКА
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

**CONSPICUOUS CONSUMPTION PRACTICES
IN RUSSIAN SOCIETY: THE SPECIFICITY
AND SOCIO-CULTURAL CONSEQUENCES**

Печкуров Илья Васильевич

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Южнороссийский филиал Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук
urfranrostov@gmail.com

Ilya V. Pechkurov

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Researcher,
South of Russia Branch
of Federal Research
Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
urfranrostov@gmail.com

Аннотация. Распространение демонстративного поведения в российском обществе – это выражение его имитационной составляющей, поскольку статусное потребление доступно далеко не всем, а его имитация как демонстрация этого статуса доступна значительно большему количеству людей, и в этот процесс самым активным образом включена значительная часть российского общества. И рост потребительских практик в обществе, которое характеризуется социально-экономическим неблагополучием, высокими показателями социального неравенства и бедности, с учетом того, что именно малообеспеченные слои достаточно активно реализуют демонстративное потребление, позволяет утверждать, что речь идет именно об имитационной модели потребительского потребления. Ее социокультурные последствия уже наблюдаются в виде глубочайшего духовного кризиса в обществе, а потому актуализируется поиск альтернатив социокультурного развития России в координатах иной (не потребительской) парадигмы.

Ключевые слова:

потребление, демонстративное потребление, потребительское поведение, демонстративные потребительские практики.

Annotation.

The Spread of demonstrative behavior in Russian society is an expression of its imitative component, since status consumption is not available to everyone, and its imitation as a demonstration of this status is available to a much larger number of people, and a significant part of Russian society is actively involved in this process. And the growth of consumer practices in society, which is characterized by socio-economic disadvantage, high rates of social inequality and poverty, taking into account the fact that it is the poor who actively implement demonstrative consumption, suggests that we are talking about a simulation model of consumer consumption. Its socio-cultural consequences are already observed in the form of the deepest spiritual crisis in society, and therefore the search for alternatives to the socio-cultural development of Russia in the coordinates of another (not consumer) paradigm is actualized.

Keywords:

consumption, demonstrative consumption, consumer behavior, demonstrative consumer practices.

Одним из важных параметров социальной реальности является одна из форм экономического и социального поведения – поведение потребительское, выступающее своеобразным индикатором социального статуса, а также культурного и образовательного уровней человека. Потребительское поведение определяется также через социальное взаимодействие со структурой общества, поведенческими установками, культурными и духовно-ценностными параметрами.

В основе потребительского поведения – потребительское сознание, т.е. совокупность представлений о том, что, где и как потреблять на основе принципов и заданных пределов потребительской активности. Содержание потребительского поведения в российской социальной реальности обусловлено взаимоотношениями, возникающими в результате социального взаимодействия в системах «индивид – индивид», «индивид – группа», «группа – группа» нацеленными на удовлетворение (разумное или избыточное) потребностей в процессах жизнедеятельности в зависимости от социального положения и уровня жизни, от господствующих культурных норм в обществе и состояния экономики.

Содержательное наполнение демонстративного потребительского поведения в современном российском обществе определяется неформированностью среднего класса, экономической сферой, отличающейся низкими объемами внутреннего валового дохода на душу населения, социальной структурой, где экономически бедные являются базовым слоем населения. Однако в ходе рыночных реформ, открытости и увеличения масштабов рекламной коммуникации в обществе начинает формироваться численно небольшой, однако влиятельный слой экономической элиты, имеющий достаточные социально-экономические ресурсы для практической реализации демонстративного потребления.

Индивидуальное потребительское поведение, тем более демонстративное потребление, тесно взаимосвязано с социальной структурой общества, поскольку принадлежность к определенной страте определяет доступ человека к жизненно важным ресурсам (престиж, власть, образование), что, в свою очередь, и выступает определяющим фактором различий по уровню дохода и, как следствие, по уровню жизни. Соответственно, то, какое место занимает личность в социальной структуре общества, играет важную роль в объеме и содержании её потребительской деятельности.

Поскольку потребительское поведение играет роль одного из индикаторов статусного положения в обществе, потребительское поведение приобретает важную социальную способность – маркировка социального статуса демонстрирующего тот или иной тип потребления индивида. Так актуализируется проблематика демонстративного потребительского поведения через анализ характеристик, факторов и динамики в условиях транзитивного общества и социальной неопределенности.

Содержание и специфика демонстративного потребительского поведения в российском обществе обусловлено рядом факторов. Прежде всего, это социальный характер потребления как вида деятельности. Ко второму фактору, обуславливающего демонстративное потребление именно в российском обществе, возможно, отнести одну из ипостасей демонстративного потребления – инструментальность в контексте самоопределения и социализации личности. Третьим фактором является возможность определения индивидом через демонстративное потребительское потребление личной и социальной идентичности.

Содержательное наполнение демонстративного потребительского поведения тесно связано с актуализированным в последнее десятилетие в массовом сознании понятием «успешность», включающем в себя, в том числе, стремление к максимальному поднятию престижа как в ближайшем, так и удалённом социумах. Именно это выступает главным мотивом демонстративного потребления, в процессе которого стоимость товара выступает символическим эквивалентом статуса потребителя. При этом сам товар начинает играть не практическую, а символическую роль, так и его основное назначение начинает определяться не его свойствами как продукта, а свойствами мифическими в искусственно созданном пространстве общественного мнения.

С.В. Храпов в работе «Трансформация сознания постсоветского российского общества в контексте социально-экономической динамики потребления» исходит из наличия в современном обществе двух равнозначных по своей важности тенденций: «семиотизации» денег и переоценки «новизны» [1, с. 57], первая из которых уничтожает связи человечества с традиционными ценностями и социальными институтами (традиционная культура, традиционные религии, патриархальный тип семьи), вторая – постоянно иницируемые СМИ изменения в массовом сознании направленные на переоценку нового. Следствием этого становится утрата человеком экзистенции бытия и подмена на уровне макросознания доминировавшей в XX веке идеологии гуманизма на идеологию потребления, ставшей в современном мире «цементом», скрепляющим слои в обществе в некое подобие целого.

Далее С.В. Храпов, размышляя об интерпретации концепта «рыночное сознание», приходит к выводу о том, что если рассматривать данный концепт в качестве одной из характеристик российского общественного сознания постсоветского периода, то она не будет выступать в качестве индикатора состояния экономической культуры, тем более культуры, в основе которой

лежат либеральные ценности, как при анализе западноевропейского общества. Это объясняется тем, что в основе идеологии этого нового вызревающего культурно-цивилизационного типа (общество потребления) рациональность в мировоззренческой системе занимает главное место. Именно это обстоятельство во много и предопределило лидирующие позиции потребления в ценностном ядре массового сознания и его универсализацию в мировоззренческом и социальном смысле.

В этой же работе С.В. Храпов указывает и на психологические основания поведенческих потребительских практик, анализ которых должен, по его мнению, включать исследование мотивов, когнитивных и личностных особенностей потребителей обуславливающие выбор товара или услуги.

Демонстративная ориентация потребительского поведения обусловлена тремя главными факторами под воздействием которых человек совершает выбор в пользу того или иного товара. Фактор первый: структура личности, система ценностей и убеждений. Фактор второй: контекст ситуации, в которой происходит процесс выбора. Фактор третий: специфика воспринимаемого объекта: его товарный вид, качества, особенности, выделяющие из ряда аналогичных объектов. Именно в подобном контексте формируются и реализуются мотивы поведения потребителя в отношении приобретаемых товаров.

Демонстративное потребительское поведение тесно связано с концептом богатства. Так, отечественный социальный философ Н.Н. Зарубина [2, с. 60] исходит из того, что богатство всегда связано с избытком и излишками, дающие возможность индивидам и социальным группам выходить за пределы доминирующего стиля жизнеобеспечения. Поэтому применимо к богатству представляется возможным говорить о его важнейшей социальной функции, связанной с действиями, приносящими и демонстрирующими избыточность вплоть до превышения пределов необходимого.

Когда говорят о содержании потребительского поведения применимо к демонстрации, нередко обращают внимание на фактор моды. Мода выступает в качестве социокультурного феномена, присутствующего в разнообразных сферах человеческой деятельности и культуры. Согласно А.А. Попсуевой [3, с. 72], в современном мире с распространением статусного потребления в разряд моды стали входить не только одежда и обувь, но и образы в целом, и стратегии потребления, и образцы праздного времяпрепровождения. Таким образом, делает вывод автор, демонстративное поведение необходимо рассматривать на фоне моды и задаваемых модой модных тенденций. Это объясняется тем, что именно мода определяет что именно станет статусными объектами в сезоне и тем самым фиксирует объекты статусного потребления неотдалённого будущего, переориентируя сознание потребителей.

Фактически, подтверждая и продолжая мысль А.А. Попсуевой, О.М. Клименко [4, с. 351–352] отмечает, что мода проявляет себя в качестве навигатора потребительского поведения, а потребители модных вещей можно классифицировать по целям, исходя из которых, они стремятся к обладанию тем или иным товаром и качества получаемого удовольствия от обладания им.

К первой группе – «законодатели моды», она относится тех, кто получает удовольствие от обладания модным товаром как индикатором отличия от других, выделения из общей массы. Это, предчувствующие и апробирующие ее. Представители второй группы получают удовольствие от приобщения к сообществу, которое квалифицируют как «модное». И сам процесс приобретения, и факт покупки оказывают на них почти гипнотически успокаивающее воздействие, поскольку дают возможность, с одной стороны, идентифицировать себя с модным идеалом, испытывая удовольствие от того, что похожи на «законодателей мод», с другой – осознавать себя «идушими в ногу со временем» [4, с. 351–352].

А.Н. Андреева и Е.В. Марми также обращают внимание на то, что в России, также как и в других странах мира, в демонстративном поведении мода занимает одну из лидирующих позиций, что позволяет представителям марок класса «люкс» рассматривать российский рынок как один из наиболее перспективных для экспансии. Это во многом обусловлено тем, что Москва прочно заняла пятое место в рейтинге столиц-потребителей роскоши и моды, в котором первое место, по-прежнему, удерживает Париж, второе принадлежит Милану, третье и четвертое – Лондону и Нью-Йорку [5, с. 109].

То есть, с позиции данных авторов портрет демонстративного потребителя постсоветского пространства имеет ярко выраженные отличительные характеристики, выделяющие его из портретной галереи иных мировых потребителей моды, в частности, европейского. Эти отличия, в основном, касаются сценариев демонстративного потребления: отсутствие культуры потребления моды и роскоши; яркая показная демонстрация в процессе приобретения; выра-

женное подражательство; импульсивность при свершении покупок. Фактически, делают вывод А.Н. Андреева и Е.В. Марми, постсоветский потребитель, позаимствовав западный сценарий, адаптировал его под себя. Однако в процессе адаптации такие существенные черты международного стиля потребления как элегантность, спокойствие, нарочитая неброскость в постсоветском потребительском стиле безнадежно утеряны. «Очевидно, эта проблема возникла по причине того, что страна более семидесяти лет была закрыта для роскоши. ...Иностранцев это завлекает и, одновременно, беспокоит, ибо подобные поведенческие сценарии резко отличаются от традиционно принятых в мире роскоши».

Таким образом, потребительское поведение в российском современном обществе обусловлено социальными отношениями и действиями индивидов и групп, направленными на разумное или избыточное удовлетворение потребностей в процессах жизнедеятельности в зависимости от социального положения и уровня жизни, господствующих культурных норм в обществе и состояния экономики. Соответственно, содержание демонстративного потребительского поведения в современном российском обществе связано с определением социальных различий, выполнением функций коммуникации и идентификации.

Практики демонстративного потребительского поведения в российском обществе обусловлены тем, что процесс потребления с позиции деятельностного подхода имеет социальный характер. Социальность потребительской поведенческой деятельности проявляется через:

- 1) процесс взаимодействия с обществом посредством потребления;
- 2) потребление как один из видов социализации;
- 3) процесс самоопределения.

В совокупности, эти три процессуальных уровня реализации потребительского поведения позволяют индивиду обрести социальную и личностную идентичность.

Проблематика демонстративного потребительского поведения актуализируется через анализ характеристик, факторов и динамики в условиях транзитивного общества и социальной неопределенности, а демонстративно-показная ориентация потребительского поведения обусловлена влиянием трех факторов, к числу которых следует отнести самого человека, среду, в которой разворачиваются процессы восприятия, наконец, воспринимаемый объект. Именно в подобном контексте формируются и реализуются мотивы поведения потребителя в отношении приобретаемых товаров.

Особенности демонстративного поведения россиян в потребительской среде в значительной степени обусловлены социокультурной трансформацией общества, когда переход к новому строю неизбежно сопровождается ломкой и кризисом ценностей, т.е. проблемами, связанными с осознанием и эмоциональным восприятием подобного транзита. В результате трансформационных процессов в обществе меняется вся система ценностей, ломая и общественную и индивидуальную ценностные структуры. Следующее за девальвацией традиционных ценностей нравственная деградация общества закономерно разрушает человеческое в человеке, выступая своеобразным индикатором личностного неблагополучия. Во многом это обусловлено тем фактом, что в постсоветский период отечественной истории не до конца преодолено наследие советского партийно-государственно номенклатурного периода в виде взаимопроникновения органов власти (охрана/наказание/исполнение).

Большое значение также имеет фактор избыточного социального неравенства. В научном пространстве давно предложена градация неравенства на «нормальное» и «избыточное». При этом, под «нормальным социальным неравенством» понимается неравенство способствующее развитию общества на экономическом и социокультурном уровнях. Соответственно, «избыточное неравенство» формируется, когда в процессе развития стимулы, ранее эффективные, ослабевают что и приводит к созданию эпицентров напряжения: «неспособность общества в равной степени использовать экономические потенциалы всех трудоспособных групп населения и обеспечивать приемлемый уровень жизни группам населения, нуждающимся в социальной поддержке» [6, с. 323–302].

Представляют интерес выводы В.И. Ильина, который постулирует, что обстоятельства зарождения потребительского общества в современной России проявляются через парадоксальный синтез незрелого капиталистического способа производства и глобальной повседневной культуры консьюмеризма, все более явно охватывающей мир. Отсюда – острое противоречие между ограниченным пространством потребительских возможностей, в силу слабой экономической деятельности, и динамично развивающимся пространством желаний [7, с. 17–18].

Попытка занять более высокое социальное положение в имущественной иерархии побуждает индивидов повысить эффективность деятельности и степень социального статуса. Од-

нако когда имущественное неравенство становится выше определённого уровня, оно теряет свою роль стимула и становится негативным фактором социальной жизни и миросуществования.

Особенно острой проблема избыточного социального неравенства становится в периоды радикальных общественных трансформаций. Крайняя неустойчивость, которая отличает социальную структуру российского общества как на процессуальном уровне внутри и межгруппового взаимодействия, так и в контексте самоопределения личности в процессе осознания своего местоположения в иерархической системе общества, накладывается на отчетливо выраженный тренд к дезинтеграции социокультурного пространства. В совокупности это проявляется в распаде или исчезновении общих социальных ценностей, ощущении утраты единых интересов.

Особенности демонстративно-показного поведения индивидов в потребительской среде современного российского общества обусловлены также «всесилием» идеологии потребления – этой специфической мировоззренческой среды, включающей в себя установки и ценностные ориентиры как продукты целенаправленного массивированного воздействия производителей товаров и модных брендов

Широкое распространение и «укорененность» идеологии потребления как разновидности мировоззренческой ориентации связано также с тем, что нынешний политический режим заинтересован в формировании «человека потребляющего», соответственно, не способного к критической рефлексии и протесту против сложившихся условий жизненного существования, связанных с подавлением гражданских прав и свобод, обезличением человека.

Литература:

1. Храпов С. Трансформация сознания постсоветского российского общества в контексте социально-экономической динамики потребления // *Власть*. – 2010. – № 2. – С. 57.
2. Зарубина Н.Н. Динамика культуры богатства в условиях экономической глобализации // *Вестник МГИМО Университета*. – 2008. – № 1. – С. 60.
3. Попсуева А.А. Мода как социальный фактор демонстративного потребления в процессе общественного развития // *Теория и практика общественного развития*. – 2013. – № 1. – С. 72.
4. Клименко О.М. Мода как стратегия получения удовольствия : Феномен удовольствия в культуре / матер. междунар. науч. форума 6 – 9.04.2004 г. – СПб. : Центр изучения культуры, 2004. – С. 351–352.
5. Андреева А.Н. Марми Е.В. Мода и демонстративное потребление в России // *Бренд-менеджмент*. – 2012. – № 2 (63). – С. 109.
6. Социальное неравенство и публичная политика / ред. В.А. Медведев, М.К. Горшков, Ю.А. Красин. – М. : Культурная революция, 2007. – С. 302, 323.
7. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // *Мир России*. – 2005. – № 2. – С. 17–18.

Literature:

1. Khrapov S. Transformation of the consciousness of the post-Soviet Russian society in the context of social and economic dynamics of consumption // *Power*. – 2010. – № 2. – P. 57.
2. Zarubina N.N. Dynamics of the wealth culture in the conditions of the economic globalization // *MGIMO University Bulletin*. – 2008. – № 1. – P. 60.
3. Popsueva A.A. Fashion as a social factor of the demonstrative consumption in the process of the social development // *Theory and practice of the social development*. – 2013. – № 1. – P. 72.
4. Klimentko O.M. Fashion as a strategy of pleasure: Phenomenon of pleasure in culture / mother. international scientific forum 6 – 9.04.2004. – St. Petersburg : Center for Culture Studies, 2004. – P. 351–352.
5. Andreeva A.N., Marmi E.V. Fashion and demonstrative consumption in Russia // *Brand-management*. – 2012. – № 2 (63). – P. 109.
6. Social inequality and public policy / edited by V.A. Medvedev, M.K. Gorshkov, Yu.A. Krasin. – M. : Cultural Revolution, 2007. – P. 302, 323.
7. Ilyin V.I. Consumption society: theoretical model and the Russian reality // *Mir Rossii*. – 2005. – № 2. – P. 17–18.

СИТУАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

SITUATIONAL INSTALLATION REDUCE CONFLICT IN SOCIETY

Савеленко Вячеслав Михайлович
доктор социологических наук, доцент,
Российский государственный
торгово-экономический университет
(филиал в г. Краснодаре)
milena.555@mail.ru

Vyacheslav M. Savelenko
Doctor of sociology,
Associate Professor,
Russian state University
of trade and Economics
(branch in Krasnodar)
milena.555@mail.ru

Сыпачев Сергей Владимирович
заместитель руководителя,
военное следственное управление
по Центральному военному округу,
г. Екатеринбург
milena.555@mail.ru

Sergey V. Sypachev
Deputy head of the military investigation
Department for the Central military district,
Yekaterinburg
milena.555@mail.ru

Гришай Ульяна Владимировна
студентка,
Кубанский государственный университет

Ulyana V. Grisha
Student of Kuban state University
milena.555@mail.ru

Аннотация. Успешность деятельности группы существенно зависит от степени ее единства в практической реализации целей деятельности. В свою очередь, реализация целей снижения конфликтности определяется единством целостных критериев самой деятельности, единством требований к ней каждого члена группы и группы в целом. Эти критерии являются основой активности коллектива и именно в этой связи, должны быть исследованы при решении задачи оценки его сплоченности на уровне анализа потенциала конфликтности.

Ключевые слова:

группа, общество, социальные установки, конфликтность.

Annotation.

The success of the group's activities significantly depends on the degree of its unity in the practical implementation of its goals. In turn, the implementation of the objectives of conflict reduction is determined by the unity of the holistic criteria of the activity itself, the unity of the requirements for each member of the group and the group as a whole. These criteria are the basis for the activity of the team and in this regard, should be investigated in solving the problem of assessing its cohesion at the level of conflict potential analysis.

Keywords:

group, society, social attitudes, conflict.

Цели ситуационного развития в обществе, зачастую, множественны и конфликтны. При достижении одной цели эффективность по отношению к другой может понижаться либо вследствие ограниченности ресурсов, либо потому, что некоторые цели логически несовместимы. Например, при установлении целей системы распределения продукции мы хотим иметь самую дешевую, оперативную, простую, наиболее производительную распределительную сеть. Но эти цели противоречат одна другой, поэтому необходим компромисс между такими целями, как быстрота и дешевизна. В идеале он может быть найден на базе критерия максимума прибыли. Однако может оказаться невозможным связать все эти цели в одну целевую функцию, поддающуюся максимизации. Там, где последствия конкурирующих целей нельзя измерить и сопоставить, пользуясь одной общей шкалой (например, денежной), нет возможности установить, какая комбинация целей даст наибольший эффект, т.е. какая комбинация оптимальна.

В сплоченных группах выявлено единство мнений о высокой значимости следующих качеств личности: общие для всех членов – активность в общественной жизни, широкий круг интересов, стремление к постоянному профессиональному совершенствованию, способность к сотрудничеству и взаимопомощи, деловитость, общительность, чувство юмора, честность, жизнерадостность; для руководителей – умение распоряжаться, приказывать, способность личным примером мобилизовать коллектив на выполнение функциональных задач, справедливость и требовательность.

В социологии конфликта групповая сплоченность неоднократно являлась предметом серьезного внимания исследователей. Сплоченность рассматривалась как результат мотивации группового членства, представляющий данный феномен как некую результирующую сил, побуждающих индивидов к сохранению членства в группе [1]. В отечественном обществознании новые принципы исследования сплоченности на основе референтности составляют часть единой концепции, названной ранее стратометрической концепцией групповой активности, а позднее – теорией деятельностноопосредования межличностных отношений в группе. В соответствии с этим подходом рассматривают несколько уровней конфликтности для групповой структуры. Внешний уровень отражает непосредственные эмоциональные межличностные отношения, т.е. то, что традиционно измерялось социометрией. Второй слой представляет собой более глубокое образование, обозначаемое термином «ценностно-ориентационное единство», которое характеризуется тем, что отношение здесь опосредовано совместной деятельностью, выражением чего является совпадение для членов группы ориентации на основные ценности, касающиеся процесса совместной деятельности. Социометрия, построив свою методику на основе выбора, не показывала, как отмечалось, мотивов этого выбора. Для изучения второго слоя необходима иная методика, позволяющая вскрыть мотивы выбора. Теория же деятельностноопосредования дает ключ, при помощи которого эти мотивы могут быть обнаружены, – совпадение ценностных ориентаций, касающихся совместной деятельности. Третий слой групповой структуры предполагает еще большее включение индивида в совместную групповую деятельность. Ситуативно, на этом уровне члены группы разделяют цели групповой деятельности и, следовательно, здесь могут быть выявлены наиболее серьезные, значимые мотивы выбора членами группы друг друга. Можно предположить, что мотивы референтного выбора на этом уровне связаны с принятием также общих ценностей, но более абстрактного уровня: ценностей, связанных с более общим отношением к труду, к окружающим, к миру.

Все выше сказанное имеет непосредственное отношение к пониманию коммуникативного многообразия процедур снижения конфликтности в группе. Эта характеристика предстает как определенный процесс многоуровневого развития внутригрупповых связей, соответствующий развитию групповой деятельности. Три слоя групповых структур могут одновременно быть рассмотрены и как три уровня развития группы, в частности три уровня развития групповой сплоченности. На первом уровне (что соответствует поверхностному слою внутригрупповых отношений) сплоченность действительно выражается развитием эмоциональных контактов. На втором происходит дальнейшее сплочение группы, выражающееся в совпадении у членов группы основной системы ценностей, связанных с процессом совместной деятельности. На третьем уровне интеграция группы (а значит, и ее сплоченность) проявляется в том, что все члены группы начинают разделять общие цели групповой деятельности.

В целом, учитывая сложную природу социологического феномена конфликтности, его сопряженность со многими взаимосвязанными детерминирующими факторами, следует отметить, что инструментальная оценка коммуникативности должна базироваться на целостном, образном представлении этого феномена в плоскости некоторой субъективной шкалы оценок степени его выраженности в данной группе. Указанная особенность определяет типологию используемых для окончательной оценки сплоченности группы средств. В данном случае в их качестве могут быть использованы интеллектуальные средства поддержки принятия решений, способные классифицировать объекты исследования, представляемые в виде целостных, определяемых разнородными в общем случае количественно-качественными признаками иерархического описания сплоченности группы [2].

Причиной недостаточной диагностической точности широко используемых в настоящее время социометрических методик конфликтности и выявления особенностей ее снижения явилось то, что при расчете социометрических индексов сплоченности не учитывались качественные характеристики взаимоотношений членов групп с внешним статусом. Их внутреннее содержание определяется воздействием на характер взаимоотношений членов групп авторитетов должностных положений отдельных индивидов, образующих формальные структуры социальной коммуникации. Именно это свойство определяет основные отличия групп с признанным статусом от групп, его не имеющих.

Ситуативно, ценностно-ориентационное единство группы как показатель ее сплоченности, отнюдь, не предполагает совпадения оценок и позиций членов группы во всех отношениях, нивелировку личности в группе, например, в сфере вкусов, эстетических ценностей, читательских интересов и т.д. Ценностно-ориентационное единство в группе – это, прежде всего, сближение оценок в нравственной и деловой сфере, в подходе к целям и задачам совместной деятельности.

Таким образом, комплексное исследование возможностей применения современных методик оценки сплоченности групп на уровне ситуационно-мотивационного анализа, позволяет сделать вывод об их более высокой прогностической способности (86–72 %) по сравнению с обычными социометрическими и тестовыми методиками (64–58 %). При этом более высокие диагностические характеристики методик позволяют раскрыть значительно более глубоко структуру основных механизмов социологического обеспечения процессов формирования рассматриваемого феномена. Косвенным подтверждением этому являются также результаты анализа социометрических характеристик членов групп с различными уровнями сплоченности [3].

Если цели являются промежуточными ориентирами, то цели нижнего уровня никогда не абсолютизируются при условии, что могут быть найдены равно эффективные альтернативные цели. Иное отношение к целям нижнего уровня может вести к неадекватной оценке способов достижения конечной цели. Для хозяйствующих подразделений, цели каждого отделения могут быть согласованы с целями компании, но, рассматриваемые все вместе, эти цели могут оказаться противоречащими друг другу. Поэтому требуется их общая координация, например предотвращение взаимной конкуренции подразделений.

Литература:

1. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М. : Политиздат, 1986. – С. 78.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М. : Юрист, 1994. – С. 65.
3. Руткевич М.Н., Рубина Л.Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. – М. : Наука, 1988. – С. 112.

Literature:

1. Zdravomyslov A.G. Needs. Interests.Values. – М. : Politizdat, 1986. – P. 78.
2. Webber M. Favorites. The image of the companies. – М. : Lawyer, 1994. – P. 65.
3. Rutkevich M.N., Rubina L.Ya. Social needs, education system, youth. – М. : Science, 1988. – P. 112.

**СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И ИННОВАЦИИ
В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ В СВЕТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**SOCIAL CONSOLIDATION AND INNOVATION IN RUSSIAN REGIONS
IN THE LIGHT OF THE SPATIAL PARADIGM OF REGIONAL STUDIES**

Узунов Владимир Владимирович
доктор политических наук, директор
Крымского филиала
Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
г. Симферополь
vladimir.uzunov@mail.ru

Vladimir V. Uzunov
Doctor of Political Science,
Director Crimean branch
of Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol
vladimir.uzunov@mail.ru

Аннотация. Региональный фактор выступает одним из важнейших в системе детерминант инновационного развития российского общества в силу ряда причин, производных от региональной структуры российского государства и региона как социально-пространственного образования со своей климатической, социально-экономической и социокультурной спецификой. Важным выводом стало положение о том, что влияние регионального фактора и его оценка предполагает учет того, что региональное развитие происходит в контексте социального пространства России и доминирующих в нем институциональных тенденций.

Ключевые слова:

социальная консолидация, регион, региональное пространство, пространственный подход, инновационное развитие.

Annotation.

The regional factor is one of the most important determinants of innovative development of Russian society due to a number of reasons derived from the regional structure of the Russian state and the region as a socio-spatial education with its climatic, socio-economic and socio-cultural specificity. An important conclusion was that the influence of the regional factor and its assessment involves taking into account the fact that regional development takes place in the context of the social space of Russia and the dominant institutional trends in it.

Keywords:

social consolidation, region, regional space, spatial approach, innovative development.

Для региональных исследований в условиях российской реальности с целью выявления тенденций и перспектив развития регионов в контексте консолидационных процессов именно пространственный подход, в том числе включающий значимость пространства смыслов в пространственной композиции региона, приобретает особую ценность. И, основываясь на положениях данного подхода, в нашем исследовании предлагается понимать под регионом особое социальное пространство, композиция которого представлена комплексом взаимосвязанных элементов (подпространств) социокультурного, социально-экономического, политического, территориального и др. характера, образующих пространство смыслов как детерминирующих региональные процессы в рамках определенных временных границ.

Наше определение, в принципе, не противоречит устоявшемуся в современной социальной науке представлению о регионе как о едином целостном пространстве, с достаточно высокой степенью однородности по определенным выбранным критериям, которые отличают данный регион от других региональных образований, а также как мыслительной конструкции, сформированной на основе отбора значимых для данной проблемной ситуации характерных черт при игнорировании не существенных [1]. Отсюда регион в пространственной конфигурации, а также региональная идентичность предстают как образование инертное во времени.

Данный подход к интерпретации региона соотносится с идеями Э. Гидденса о пространственно-временной дифференциации регионов, определяющих суть процесса регионализации [2], а также положениями социальной топологии как способа описания пространственно-временных параметров социального бытия.

Важно также отметить, опираясь на имеющиеся социологические теории социального пространства, что природа этого пространства – коммуникативно-деятельностная, позволяющая связать объективное и субъективное в измерении социального пространства [3].

Надо заметить, что эвристический потенциал пространственного подхода достаточно глубоко представлен в целом ряде исследований, интенсивно реализуемых коллективом ФНИСЦ РАН [4]. Интерес и значимость для предлагаемой в данной работе методологической схемы имеют теоретические положения о структуре регионального пространства, в котором формируется смысловая структура и иерархия смыслов, детерминирующая идею (идеи) социальной консолидации и, соответственно, консолидационный эффект.

Пространственный подход в исследовании регионов развивается в русле «пространственной науки», представляющей собой особое и широкое междисциплинарное направление, в том числе включающее регионологию, которая обрела новый импульс и контекст развития с момента концептуального поворота европейского сообщества на принципы устойчивого пространственного развития с актуализацией соответствующих пространственных показателей и параметров, таких как «пространственное развитие», «пространственное планирование», «проекты пространственного развития» и др. [5].

Пространственные индикаторы стали активно проникать в междисциплинарное поле исследования стран и «пространственной экономики», в то время как в мировой социологии, по свидетельству ученых, данное направление заметных результатов пока не обнаруживает при всем том, что, собственно, сама теория социального пространства своими корнями уходит в классические социологические труды, в частности П. Сорокина, который акцентировал внимание на социальных отношениях, тем самым подчеркивая отличие социального пространства от любого иного – несоциального и называя его социальной вселенной, в которой огромное множество отношений и их вариаций [6].

Значительно чаще в пространственном подходе, в частности в региональных исследованиях, используется теория П. Бурдьё, в которой он, развивая идеи П. Сорокина о социальном пространстве как системе отношений, развивает свой подход, выделяя «поля» или так называемые «подпространства». Последние определяются позициями, занимаемыми социальными субъектами в зависимости от доступа к различным видам капитала (культурному, экономическому и др.), что формирует многомерный характер социального поля как пространства позиций социальных агентов в соответствии с имеющимся капиталом при доминировании капитала экономического, составляющего суть экономического поля [7].

Для России значение пространственной науки особенно актуально и значимо ввиду сложившихся в российском пространственно неоднородном организме вертикальных (центр – регионы) и горизонтальных (межрегиональных) взаимодействий в сфере экономических, социальных и политических отношений [8].

Очевидно, что исследование регионов в современном социальном пространстве России нуждается в активном применении принципов и потенциала пространственного подхода, базирующихся на интеграции знаний различных дисциплинарных практики о российском пространстве с целью получения актуального знания о пространственных трансформациях российского общества. При этом пространственные трансформации российского общества в социологическом контексте изучаются, прежде всего, сквозь призму ценностных установок и ориентаций населения с учетом дифференцирующих региональное пространство факторов, среди которых на первый план выходят факторы социально-экономических диспропорций и различий этнокультурного и этноконфессионального характера. Эти различия, определяемые региональной идентичностью, оказывают доминантную роль на ход и динамику трансформаций в различных типах региональных сообществ, на степень интегрированности локальных региональных сообществ и интеграции этих сообществ в российское социальное целое [9].

Итак, в сложившейся в российской социологии пространственной парадигмы регион-предстает как обособленная часть общего социального пространства России со специфическими социально-экономическими, политико-административными, природно-климатическими, социокультурными особенностями [10]. И это положение предполагает, что на уровне социологического изучения региональных процессов необходимо учитывать как особенное, так и общее в результате региональной интеграции и консолидации в общесоциальные связи, т.е. в обще-

государственную организацию. При этом в социальной организации региональных сообществ выделяются две основные стороны: объектная, включающая условия, факторы и направленность жизнедеятельности локальных региональных сообществ, и субъектная, связанная с акторами как субъектами взаимодействий в локальных сообществах регионального пространства и за их пределами – с внешней по отношению к региону средой.

В пространстве региона, образуемого влиянием факторов социально-экономического, политико-административного, природно-климатического, социокультурного характера, выступающих структурными элементами этого пространства, которое, согласно Г.Е. Зборовскому, есть единство подпространств экономического, культурного, политического, социального, образовательного, религиозного и т.п. плана [11], формируется пространство смыслов, в свою очередь, как мы определили выше, определяющее смыслы-идеи социальной консолидации. Соответственно, эти смыслы-идеи будут различаться в пространстве каждого, отдельно взятого региона, порождая эффект универсальных по отношению к конкретному региону смыслов и уникальной консолидационной идеи.

Это не означает, что не может быть совпадений и единой идейной основы консолидации в различных регионах страны в условиях включенности регионов в социальное пространство государства в целом. И основная сложность, и перспектива поиска консолидационной идеи в условиях региональной дифференциации российского общества как раз и заключается в поиске этих идейных универсалий для формирования единой идеи консолидации для всего российского государства, но с учетом понимания того, что на уровне локальных региональных образований эта основная идея может иметь свои подсмыслы, определяемые спецификой культурно-идентификационной матрицы регионов и социокультурной самобытностью.

Это положение так же верно и в отношении проблемы инновационного развития российских регионов. В этой связи имеет смысл привести ряд подходов, сложившихся в изучении данной проблемы. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на распространенный в экономической науке принцип «тройной спирали», который, как мы полагаем, может вполне продуктивно использовать в исследовании данной проблематики и в других научных отраслях, в том числе и в социологии, поскольку речь идет о трех институтах (университете, бизнесе и власти), сотрудничество которых определяет инновационную составляющую развития государства и включенных в него регионов, исходя из того, что именно принцип сотрудничества, а не доминантной роли государства и его инициативы, определяет инновационную траекторию развития социума и его отдельных локальных, региональных сообществ [12].

Поскольку каждый регион уникален в силу своих пространственных особенностей, о которых мы уже писали, инновационная система регионального пространства также является уникальной, детерминированной социокультурными, географическими, политическими, экономическими, ресурсными и другими факторами регионального развития, необходим поиск универсальной схемы инновационного развития, той самой траектории с соответствующими условиями, которая позволит рассматривать процесс инновационного развития регионов как включенных в общее социальное пространство общества и государства. Помнению специалистов [13], к таким базовым условиям можно отнести:

- осознание на уровне всего общества необходимости в инновациях и консенсус сформировавшихся по этому вопросу приоритетов;
- высокое качество образовательной системы на всех ее уровнях и ступенях;
- высокий уровень финансирования науки не менее 3–5 % от ВВП;
- формирование условий, при которых административные барьеры не будут препятствовать ведению бизнеса и трансфера инновационных технологий;
- наличие адекватной для инновационного развития общества, регионов нормативно-правовой, финансовой и налоговой системы.

Концепция под названием «Тройная спираль» (ее разработка принадлежит Генри Ицковицу и Лойету Лейдесдорфу) основывается на признании приоритетной роли знаний и университета как генерирующей инновационные технологии, а роль промышленных предприятий, бизнес-структур и государственных структур определяется взаимодействием с университетами, в процессе которого они традиционно выполняют присущие им функции, обретая новые роли за счет указанного сотрудничества. Роль государства, при этом, сводится к обеспечению университетов ресурсами, необходимыми для повышения эффективности их научно-исследовательской деятельности и инновационной активности. Роль бизнес-структур сводится к активному включению в пространство производимых университетом инновационных проектов посредством размещения на территории научных парков университетов, формирования тесного сотруд-

ничества с развития регионов. Сам же социологический диагноз следует рассматривать как совокупность аналитических процедур, связанных с описанием актуального состояния диагностируемого объекта, выявлением перспектив развития и перехода в иное качественное состояние: модификации и трансформации [14].

Отказ от технологии социального прогнозирования в социологии означает отказ от принципа детерминизма, на котором строятся рациональные основания социологической науки, устанавливается степень объективности социологического знания. Отказ от этой технологии на практическом уровне становится причиной непродуманных управленческих решений и низкой эффективности реализуемых в социальном пространстве инновационных проектов и процессов.

Иными словами, социология, познавая настоящее, ориентируется на экспликацию сценариев будущего, а ограниченность используемого социологического инструментария зачастую приводит к описанию социальной действительности на фрагментарном, конъюнктурном уровне, а потому социальное прогнозирование, ориентированное на выявление сценариев будущего представляется важнейшей составляющей системного анализа актуального состояния исследуемой социальной реальности с возможными вариациями ее развития.

Такой подход к социологии придает ей статус социально-диагностического знания, которое не только способно отразить реалии сегодняшнего дня, но и смоделировать будущее общества, которое, безусловно, связано с социальной жизнью в настоящем. К.Е. Феофанов пишет о том, что «теоретические разработки и прикладные исследования социальных процессов в известной степени посвящены «предвосхищению» будущего – поиску факторов воздействия на ситуацию в ближайшей и отдаленной перспективе» [15], и с этим мнением сложно не согласиться, но к этому хотелось бы добавить, что потенциал социального прогнозирования в процессе анализа сценариев будущего повысится, если использовать новые аналитические и объяснительные конструкции, к которым можно отнести сценарное мышление.

Литература:

1. Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. – М. : ИМЭМО РАН, 2015. – С. 50–51.
2. Гидденс Э. Устроение общества : очерк теории структуризации / пер. И. Тюрина. – М. : Акад. Проект, 2003. – 525 с.
3. Бузин В.Н. Социальное пространство в социологическом дискурсе // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 4. – С. 34.
4. Маркин В.В., Нелюбин А.А. Социальное моделирование пространственных трансформаций : Мониторинг региональных органов власти // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М. : Институт социологии РАН, 2009. – Вып. 8. – С. 75–90.
5. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др.; отв. ред. В.В. Маркин. – М. : Новый Хронограф, 2015. – С. 600.
6. Маркин В.В., Нелюбин А.А. Социальное моделирование пространственных трансформаций. Мониторинг региональных органов власти // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М. : Институт социологии РАН, 2009. – Вып. 8. – С. 76.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Политиздат, 1992.
8. Бурдьё П. Начала. Choses dites: Pierre Bourdieu. Choses dites Paris, Minuit, 1987 / пер. с фр. Н.А. Шматко. – М. : SocioLogos, 1994.
9. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2005.
10. Маркин В.В., Нелюбин А.А. Социальное моделирование пространственных трансформаций. Мониторинг региональных органов власти // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М. : Институт социологии РАН, 2009. – Вып. 8. – С. 76–77.
11. Маркин В.В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М. : Институт социологии РАН, 2008. – Вып. 7. – С. 229–249.
12. Маркин В.В. Региональная социология и управление: «Дорожная карта» взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 136.
13. Зборовский Г.Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен // Социум и власть. – 2010. – № 4. – С. 16.

14. Бабкина Е.В., Сергеев В.А. Тройная спираль инновационного развития: опыт США и Европы, возможности для России // *Инновации*. – 2011. – № 12. – С. 68–78.
15. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / пер. с англ; под ред. А.Ф. Уварова. – Томск : Изд-во гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 238 с.
16. Волков Ю.Г. Сценарное мышление в социологической диагностике // *Социологические исследования*. – 2016. – № 10. – С. 13–20.
17. Феофанов К.Е. О сценарном подходе к прогнозированию // *Социологические исследования*. – 2008. – № 5. – С. 67.

Literature:

1. Prokhorenko I.L. Spatial approach in the study of international relations. – M. : IMEMO WOUNDS, 2015. – P. 50–51.
2. Giddens E. Arrangement of the society: essay of the theory of structuration / I. Tyurina lane. – M. : Acad. Project, 2003. – 525 p.
3. Buzin V.N. Social space in the sociological discourse // *Srednerussky Vestnik of social sciences*. – 2010. – № 4. – P. 34.
4. Markin V.V., Nelyubin A.A. Social modeling of spatial transformations: Monitoring of regional authorities // *Russia reforming. Yearbook* / edited by M.K. Gorshkov. – M. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2009. – Issue 8. – P. 75–90.
5. *Regional Sociology: Problems of Consolidation of Social Space in Russia* / M. Gorshkov, V. Markin, A. Dmitriev et al. Markin. – M. : New Chronograph, 2015. – P. 600.
6. Markin V.V., Nelyubin A.A. Social modeling of the spatial transformations. Monitoring of the regional authorities // *Russia is reforming. Yearbook* / edited by M.K. Gorshkov. – M. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2009. – Issue 8. – P. 76.
7. Sorokin P.A. *Person. Civilization. Society*. – M. : Politizdate, 1992.
8. Bourdier P. *Began. Choses dites: Pierre Bourdieu. Choses dites Paris, Minuit, 1987* / fr. N.A. Shmatko. – M. : SocioLogos, 1994.
9. Bourdier P. *Social space: fields and practices / French; translation, composition and afterword. N.A. Shmatko*. – M. : Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg : Aleteya, 2005.
10. Markin V.V., Nelyubin A.A. Social modeling of the spatial transformations. Monitoring of the regional authorities // *Russia is reforming. Yearbook* / edited by M.K. Gorshkov. – M. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2009. – Issue 8. – P. 76–77.
11. Markin V.V. *Regional Sociology: Problems of Social Identification and Modeling of Russian Regions* // *Russia is Reforming. Yearbook* / edited by M.K. Gorshkov. – M. : Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2008. – Issue 7. – P. 229–249.
12. Markin V.V. *Regional Sociology and Management: «Road Map» of Interaction* // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. – 2014. – № 5 (35). – P. 136.
13. Zborovskiy G.E. *Regional social space as a sociological phenomenon* // *Socium and power*. – 2010. – № 4. – P. 16.
14. Babkina E.V., Sergeev V.A. Triple helix of innovation development: the experience of the USA and Evrope, opportunities for Russia // *Innovations*. – 2011. – № 12. – P. 68–78.
15. Itzkovitz G. Triple helix. Universities – enterprises – the state. *Innovations in action* / lane from English; under the editorship of A.F. Uvarova. – Tomsk : State Unitary Enterprise of Systems of Management and Radioelectronics, 2010. – 238 p.
16. Volkov Yu.G. Scenario thinking in the sociological diagnostics // *Sociological researches*. – 2016. – № 10. – P. 13–20.
17. Feofanov K.E. On the scenario approach to forecasting // *Sociological researches*. – 2008. – № 5. – P. 67.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ВОСТРЕБОВАННОСТЬ МЕДИАЦИИ
В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ**

**DEMAND OF MEDIATION
IN THE RUSSIAN CONDITIONS AND PROBLEMS OF ITS DEVELOPMENT**

Корсаков Александр Николаевич

соискатель кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Alexander N. Korsakov

Applicant of department of all-humanitarian
and natural-science disciplines,
Yessentuki institute of management,
business and right
milena.555@mail.ru

Шуренкова Светлана Сергеевна

кандидат социологических наук,
доцент, руководитель,
Юридическая компания «ЮрМедиа»
milena.555@mail.ru

Svetlana S. Shurenkova

Candidate of sociological sciences,
Associate Professor, Head,
Yurmedia law firm
milena.555@mail.ru

Беляков Сергей Григорьевич

соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский
государственный университет
milena.555@mail.ru

Sergey G. Belyakov

Applicant of department
of philosophy and sociology,
Adygei state university
milena.555@mail.ru

Новицкая Мария Сергеевна

студентка,
Ставропольский
государственный аграрный университет
milena.555@mail.ru

Maria S. Novitskaya

Student,
Stavropol state agricultural university
milena.555@mail.ru

Аннотация.

В статье проводится анализ классической судебной практики разрешения правовых конфликтов и основных ее недостатков применительно к текущей социальной практике. Обосновывается необходимость и востребованность альтернативных механизмов урегулирования правовых конфликтов с учетом таких факторов, как необходимость снижения уровня конфликтности в обществе, неготовность населения к судебной модели разрешения споров, высокий уровень материальных издержек судебного процесса. Дается общий обзор практики медиации как одной из ведущих альтернатив судебному разрешению правовых конфликтов. Обосновывается точка зрения, согласно которой медиация является чрезвычайно эффективной практикой как раз в тех вопросах, по которым обнаруживается неэффективность классической судебной системы. Ставится вопрос о сравнительно невысоком уровне развития практики медиации в российском обществе и рассматриваются его причины. В конце статьи оцениваются перспективы и научная ценность исследования медиации в российском обществе.

Ключевые

слова:

Annotation.

общество, право, судебное решение конфликтов, процедура медиации.

In article the analysis of classical judicial practice of permission of the legal conflicts and its main shortcomings in relation to the current social practice is carried out.

Need and demand of alternative mechanisms of settlement of the legal conflicts taking into account such factors as need of decrease in level of conflictness for society, unavailability of the population to judicial model of settlement of disputes, the high level of material expenses of trial is proved. The general review of practice of mediation as one of the leading alternatives to judicial permission of the legal conflicts is given. The point of view according to which mediation is extremely effective practice just in those questions on which the inefficiency of the classical judicial system is found is proved. It is asked about rather low level of development of practice of mediation in the Russian society and its reasons are considered. At the end of article prospects and scientific value of a research of mediation in the Russian society are estimated.

Keywords: society, right, judgment of the conflicts, procedure of mediation.

Одной из важных задач судебной сферы является преодоление социальных конфликтов. Собственно говоря, суд рассматривается в качестве той крайней меры, которая принимается в случае, если участники конфликта не могут договориться самостоятельно. В число положительных аспектов обращения в суд входят объективность, беспристрастность и обязательность к исполнению сформированных в ходе судебного процесса решений. Вместе с тем, имеют место и отрицательные аспекты, к числу которых можно в отдельных случаях отнести публичность, длительность отдельных процессов, необходимость оплаты судебных издержек, зависимость результата от квалификации отстаивающих интересы сторон юристов, что предполагает дополнительные расходы, отсутствие результата в виде реального преодоления конфликта, поскольку по факту, результатом судебного решения является прекращение конфликтной ситуации, притом, что сами претензии сторон друг к другу сохраняются. И если в области деловых отношений выигрыш или проигрыш иска может не сопровождаться нагнетанием эмоциональной напряженности в адрес конкретного социального актора, то в сфере межличностных отношений практически повсеместно проигравшая сторона сохраняет претензии по отношению к победившей.

Одним из результатов подобного положения дел является то, что социальные конфликты возобновляются, иногда оставаясь на уровне межличностных отношений, иногда же переходя в правовую плоскость. Фактически, одной из причин повышенной нагрузки на современную судебную систему является то, что она зачастую не решает проблему окончательно. В пользу этого тезиса свидетельствует и высокое число апелляций в вышестоящие судебные инстанции, результатом которых становится повторное рассмотрение дел, решение по которым уже было вынесено. Как результат – все те издержки, о которых было сказано выше, продолжают существовать. Бывают случаи, когда конечные издержки судебного процесса становятся сопоставимы со стоимостью предмета спора. Уже этот аспект позволяет судить о том, что в отдельных ситуациях предпочтителен поиск решения правового конфликта, отличного от судебного процесса. Вместе с тем, рассмотренный выше довод имеет экономическую природу и относится, в первую очередь, к области конфликтов в экономической сфере отношений. Существуют и другие аргументы в пользу поиска альтернатив судебному разрешению правовых конфликтов, один из основных среди которых состоит в том, что обращение в суд само по себе означает новый виток развития конфликта. Обращение в суд как привлечение в межличностный спор государственного механизма принуждения, представляет собой серьезный шаг, оцениваемый в системе координат межличностных отношений весьма негативно. Вместе с тем, имеют место ситуации, когда конфликт между двумя людьми обретает правовую природу и не может быть разрешен ими самостоятельно. В такой ситуации также актуализируется вопрос о разрешении конфликта вне обращения в судебную систему. Тот факт, что в рамках суда основная задача состоит не в соблюдении интересов сторон и преодолении конфликта, но в подавлении конфликтной ситуации и принятии решения сообразно обстоятельствам дела и его квалификации в системе координат действующего законодательства, указывает на ограниченную применимость судебного разрешения правовых конфликтов. В этих условиях актуализируется необходимость развития и расширения альтернативных механизмов урегулирования правовых конфликтов.

В качестве одной из альтернатив судебному разрешению правовых конфликтов выступает посредничество, история которого (как и судебной практики) насчитывает столетия. Официальное применение практики посредничества (медиации) берет свое начало в США середины XX-го века, когда медиация была закреплена как официально утвержденная правовая практика на уровне федерального законодательства [1]. С этого момента берет свое начало разви-

тие и распространение медиации в правовой сфере, сначала в ряде штатов США, а в дальнейшем – во многих развитых странах, включая страны Европы и, с недавнего времени, Российскую Федерацию.

Рассмотрим подробнее специфику медиации как социально-правовой практики. Особенность медиации состоит в том, что это процедура, ориентированная на согласование интересов сторон конфликта, их примирение [2]. При этом ключевой вопрос, который подлежит разрешению, состоит не в том, чьи притязания больше соответствуют нормам действующего права, но в том, какое конкретное решение удовлетворит обе стороны. Это та причина, которая порождает существенную критику правового статуса медиации и, в целом, ее применимости в юридической сфере. Вместе с тем, существенные преимущества медиации по отношению к классическому судебному разрешению правовых конфликтов определяет на практике принятие большинством государств ее эффективности и приемлемости.

Для того, чтобы понять, каковы преимущества медиации, определяющие ее бурное развитие, следует первоначально осветить основные принципы медиации. К их числу относятся:

- добровольность участия сторон в примирительной процедуре;
- нейтральность медиатора;
- равноправие сторон конфликта;
- конфиденциальность;
- конечное соглашение должно в равной мере устраивать каждую из сторон.

Таким образом, процедура медиации представляет собой правовую практику, основная цель которой состоит в преодолении конфликта между сторонами, что выгодно отличает ее от судебной сферы, по факту, не способствующей снижению социальной напряженности в полной мере. При этом такие аспекты, как нейтральность медиатора и обоюдная выгода конечного решения, а также исходный принцип добровольности участия в процедуре медиации позволяют рассматривать данную правовую практику в качестве приемлемой в том ряде приведенных выше ситуаций, когда обращение в суд не видится приемлемым вариантом, однако имеет место факт правового конфликта.

В российской правовой практике медиация находится пока только в фазе становления, что связано с невысоким сроком существования данной практики как официально принятой процедуры, низким уровнем правовой грамотности населения и, соответственно, осведомленности членов общества о возможных вариантах решения правовых конфликтов. Это позволяет судить о том, что тематика медиации и ее развития в российских условиях является весьма перспективной как в теоретическом, так и в практико-ориентированном плане.

Литература:

1. Аллахвердова О.В., Иванова Е.Н. История развития медиации // Вестник СПбГУ. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2007. – № 2–2.
2. Феоктистов А.В. Медиация как способ урегулирования конфликтов // Концепт. – 2014. – № 27.

Literature:

1. Allakhverdova O.V., Ivanova E.N. Istoriya of mediation development // St.Petersburg State University Bulletin. Series 6: Political science.International relations. – 2007. – № 2–2.
2. Feoktistov A.V. Mediation as way of settlement of the conflicts // Concept. – 2014. – № 27.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ФАКТОРОВ ЭКСТРЕМИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ
ТЕЛЕВИЗИОННОЙ АУДИТОРИИ**

**SOCIAL AND PHILOSOPHICAL RESEARCH
OF FACTORS OF AN EKSTREMIZATION OF MASS CONSCIOUSNESS
OF TELEVISION AUDIENCE**

Абрамов Максим Алексеевич
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Maxim A. Abramov
Candidate of sociological sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of all-humanitarian
and natural-science disciplines,
Yessentuki institute of management,
business and right
milena.555@mail.ru

Попова Татьяна Владимировна
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника,
Научно-исследовательский центр
Академии управления МВД России
milena.555@mail.ru

Tatyana V. Popova
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor, deputy Chief,
Research center
of the MIA Academy of Management
milena.555@mail.ru

Скворцов Дмитрий Владиславович
кандидат юридических наук, доцент,
докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

Dmitry V. Skvortsov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor, Doctoral candidate,
Nevinnomyssk state
humanitarian technical institute
milena.555@mail.ru

Федоровский Александр Петрович
доктор философских наук, профессор,
проректор по науке
и связям с общественностью,
Северо-Кавказский социальный институт
milena.555@mail.ru

Alexander P. Fedorovsky
Doctor of Philosophy, Professor,
Vice rector for science and public relations,
North Caucasian social institute
milena.555@mail.ru

Аннотация. В рамках данной статьи нами будет предпринята попытка осуществления теоретико-прикладного анализа социального противоречия, в том числе – посредством получения первичной информации от самих носителей проблемы. Особое внимание целесообразно уделить вопросам профилактики и противодействия деструктивному влиянию телевизионной коммуникации на сознание аудитории в аспекте генезиса и развития экстремизма.

Ключевые слова: телевидение, коммуникация, экстремизм, культура, дисфункциональность телевидения, информационные процессы.

Annotation. Within this article we will make an attempt of implementation of the teoretiko-applied analysis of a social contradiction, including – by means of obtaining primary information from carriers of a problem. It is reasonable to pay special attention to questions of prevention and counteraction to the destructive impact of television communication on consciousness of audience in aspect of genesis and development of extremism.

Keyword: television, communication, extremism, culture, dysfunctionality of television, information processes.

Результаты теоретических и эмпирических социально-философских исследований свидетельствуют о том, что имеется достаточно тесная взаимосвязь между деформацией сознания телевизионной аудитории вследствие деструктивного коммуникативного контента, транслируемого телевидением и генезисом установок экстремизма. Безусловно, далеко не всегда деформация сознания телевизионной аудитории приводит к таким общественно опасным последствиям, как экстремизм или терроризм. Во многих случаях имеет место радикализация сознания, что, в свою очередь, представляет собой базис для дальнейшего перехода к антисоциальным формам поведения.

В связи с ростом вызовов и угроз социальной системе, исходящих от дисфункциональной телевизионной коммуникации, закономерно актуализируются практические вопросы, связанные с перспективами противодействия экстремизму, особенно в молодежной среде телевизионной аудитории [1].

В рамках данной статьи нами будет предпринята попытка осуществления теоретико-прикладного анализа социального противоречия, в том числе – посредством получения первичной информации от самих носителей проблемы. Особое внимание целесообразно уделить вопросам профилактики и противодействия деструктивному влиянию телевизионной коммуникации на сознание аудитории в аспекте генезиса и развития экстремизма.

В контексте нашего исследования важное значение приобретает вопрос о том, где проходит грань между деформацией сознания телевизионной аудитории и появлением у нее устойчивых предпосылок к экстремизму. Следует отметить, что экстремизм не возникает «на пустом месте»; социология рассматривает экстремизм как следствие сочетанного действия ряда негативных факторов, связанных с политической, экономической, социальной и духовной подсистемами. Ключевым вопросом в данном аспекте выступает готовность к осуществлению экстремизма. На наш взгляд, процесс деформации сознания телевизионной аудитории достигает двух эффектов, каждый из которых целесообразно рассматривать в качестве предпосылки генезиса экстремизма. Речь идет о феноменах экстремпарантности и радикализма.

С точки зрения Е.О. Кубякина, обычного человека отделяют от экстремиста наличие ряда индикаторов, свидетельствующих о готовности к экстремистской деятельности. Именно готовность к совершению экстремистской деятельности, рассматриваемая с позиций социально-философского анализа, представляет собой реальный социальный феномен современных межинституциональных связей, могущий объяснить основания и предпосылки возникновения экстремизма как деструктивного явления в политическом социальном институте. Как реальный социальный феномен готовность к экстремизму нуждается в особой дефиниции, в том числе в силу сложности и неоднозначности социальных связей, определяющих это социальное явление, а значит, требует специфического термина, его обозначающего, – «экстремпарантность» [2].

Как полагает Е.О. Кубякин, экстремпарантность – это готовность к совершению экстремизма как разновидности экстремальной деятельности, включающая возможность и способность к ее совершению. Самое основное, что полагает экстремпарантность как действительное – это выражение деструктивного социального принципа межинституциональных отношений с одной стороны и проявление экстремальной потенции на уровне социальной группы внутри социального института государства с другой [3].

Социально-философский подход к анализу экстремпарантности предполагает учет дисфункционального состояния одного или нескольких социальных институтов, а также подсистем, детерминирующих развитие событий по негативному сценарию. И, действительно, деформация сознания телевизионной аудитории нельзя рассматривать как самостоятельный фактор генезиса экстремизма. Должны возникнуть условия для появления экстремпарантности, позиционируемой как готовность и возможность к осуществлению актов экстремизма.

Экстремпарантность как готовность к совершению экстремистской деятельности, понятой через способность и возможность – неоднозначна в своем существовании. Сама связь с генерирующим институтом у социальной группы может быть неявной, скрытой, косвенной, не существовать вовсе, по мнению рядовых членов группы, – однако ее социальная реальность конкретна [4].

Социальное содержание экстремальной деятельности имеет конструктивную природу и направлено на перспективу развития форм и принципов социальных отношений, именно это и отличает ее от девиантного и делинквентного поведения как социально конфликтных. Откло-

няющее поведение вообще может выступать и выступает основанием определенного вектора развития, но ее социальная функциональность в значительной степени ограничена частностью и единичностью сферы социального влияния, ее социальный резонанс как причина общесоциальных трансформаций носит частный характер [5].

В рамках данного исследования особый интерес представляет развитие экстремпарантности среди носителей массовой культуры, в частности, аудитории телевидения.

С точки зрения исследователей, социально-философские критерии экстремпарантности носителей массовой культуры как аккредитации идеологии экономического агента следует выявлять средствами социально-философского исследования в форме наблюдения в следующих областях социально активной деятельности:

- принадлежность к институту СМИ;
- администраторская деятельность;
- предпринимательская деятельность;
- деятельность в сфере негосударственных услуг;
- эстрадная и подобного рода публичная деятельность;
- деятельность рекламных и PR-агентств;
- деятельность общественных организаций, связанная с экологией, медициной, образованием, спортом и пр.;
- деятельность организаторов фан-клубов и организаций, имеющих социальный статус субкультур;
- публичная деятельность религиозных организаций [6].

С понятием «экстремпарантность» связано еще одно понятие, имеющее гораздо более длительную историю научного применения. Речь идет о термине «радикализм».

В научной литературе распространена точка зрения о том, что радикализм – крайняя, бескомпромиссная приверженность каким-либо взглядам, концепциям. Чаще всего употребляется в отношении идей и действий в социально-политической сфере, особенно направленных на решительное, коренное изменение существующих общественных институтов. Синоним бескомпромиссности: стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не примиряясь ни с какими компромиссами [7].

А.Е. Круглов комплексно осмысливает радикализм как феномен, обусловленный социально-психологическими особенностями в развитии и социализации молодёжи, а также социокультурного, политического развития России, характером происходящих трансформаций [8].

Исследователь рассматривает радикализм как отклоняющееся от принятых в данном обществе, социальной среде, ближайшем окружении, группе социально-нравственных норм и ценностей, нарушение процесса усвоения и воспроизводства этих норм и ценностей, а также саморазвитие и самореализации человека в том обществе, к которому он принадлежит [9].

Следует отметить, что в научной литературе зачастую происходит смешение терминов «радикализм» и «политический радикализм», что, на наш взгляд, несколько некорректно. Безусловно, феномен радикализма нашел свое яркое выражение именно в политической сфере, здесь достаточно вспомнить драматические события отечественной истории XIX в. и радикальную политическую организацию «Народная воля», сумевшую убить императора Александра II в 1881 г. Также «яркий след» в виде серии кровавых терактов оставила и «Боевая организация» партии социалистов-революционеров. Однако радикализм с социально-философской точки зрения необходимо рассматривать более широко, в различных контекстах и сферах жизни общества, а не только политической.

Е.Ю. Воронина указывает на то, что радикализм имеет глубокие исторические и социально-политические корни, связанные с настроениями, менталитетом населения, характером восприятия окружающего мира, ценностными ориентациями, что напрямую влияет на способы и методы коммуницирования власти и граждан. В эпоху глобализации политический радикализм трансформируясь и модифицируясь, принимая разнообразные виды и формы, адекватно новым цивилизационным вызовам и рискам, сохраняет актуальность [10].

А.И. Аршинова рассматривает основные критерии типологизации радикализма. Исследователь, в зависимости от сфер проявления, выделяет радикализм:

- политико-идеологический, экономический и правовой;
- политической основы («правый» и «левый» радикализм);
- идеологической основы (этнический, религиозный и региональный (регионализм) радикализм);
- характера решаемых задач (тактический и стратегический);
- целей и характера проявления (фактический и формальный);
- типа поведения (девиантное, «мятеж» и инновационное) [11].

Многие авторы, на наш взгляд, ошибочно отождествляют проявления радикализма и экстремпарантности с политической сферой, с властными отношениями. Пытаясь «оградить» миллионы людей от политической активности, от размышлений о причинах многих социальных проблем, своего незавидного материального положения и социального статуса, телевидение впадает в другую крайность, продуцируя социальную, межличностную и межгрупповую рознь. Фактически, такая рознь – атрибутивная характеристика криминальной контркультуры, где даже в местах лишения свободы «воры» сводят счеты с бизнесменами и/или корыстными преступниками. Телевидение вольно или невольно пропагандирует основы криминальной контркультуры, транслируя подобные сериалы, художественные фильмы, реалити- и ток-шоу, в результате чего сознание аудитории «подготавливается» к совершению крайних, гипертрофированных социальных действий, напрямую ведущих к совершению преступлений (поклонение криминальной фразе о необходимости «ответить за базар», «смыть позор кровью» и пр. ежегодно приводит на скамью подсудимых тысячи россиян, ранее не судимых и не принадлежавших к «воровскому миру»). Основная «заслуга» в этом, безусловно, принадлежит телевидению и его агрессивному, антисоциальному контенту.

Анализируя феномен радикализма, все же следует обратить внимание на одну особенность его проявления в социальной системе [12]. Как известно, молодежь, в отличие от других социально-возрастных групп, характеризуется наибольшим уровнем радикализма. Это – вполне нормальная, «рабочая» ситуация для общества, так как подрастающее поколение – носитель экстремального, максималистского мировоззрения. Однако не обязательно, чтобы подобные характеристики молодежи приводили к росту экстремизма. Этого не происходит потому, что в стабильном социуме имеются институциональные механизмы, препятствующие переходу радикализма молодежи в стадию экстремизма. В случае с телевизионной аудиторией ситуация осложнена тем, что данная подсистема, как и весь социальный институт массовой коммуникации, находятся в кризисном состоянии, осложненным общим социокультурным кризисом российского общества. Именно поэтому происходит «накладка» нескольких факторов, что и снимает защитный механизм общества, позволяя развиваться экстремистским установкам и практикам.

Необходимо заметить, что опасность созданной виртуальной телевизионной среды заключается в том, что она не является абсолютно вымышленной по своей сути. Напротив, это лишь гипертрофированное восприятие реальности (единичные случаи насилия, коррупции, злоупотребления служебным положением сотрудников правоохранительных органов подаются как данность, в качестве атрибутивной характеристики современного общества. Люди, сталкиваясь в реальности с подобными проявлениями, находят подтверждение «мыслям», закладываемым в их сознание телевидением: кругом произвол, бардак, война всех против всех, справедливости искать негде и т.п. Подспудно большинство подобной телевизионной продукции продвигает мысль о том, что вершить правосудие нужно самому, героизируя людей, осуществляющих жесткие убийства множества людей (герой «Бригады» Саша Белый с особой ненавистью в финальной сцене убивает своего конкурента, всаживая в уже безжизненное тело патрон за патроном; Данила Багров осуществляет массовые убийства каких-то подручных американского мафиози, но самого злодея отпускает после небольшой «нравоучительной беседы»; в фильме «Жмурки» содержится масса сцен пыток, убийств, жестокого насилия; при этом все перечисленные герои избегают не только смертной казни, но и вообще какого либо уголовного наказания, как бы показывая своим примером: «и ты так сможешь, и тебе ничего за это не будет!»).

Стоит отметить, что феномены экстремпарантности и радикализма имеют глубокие социокультурные основания. В социально-философской литературе представлено множество концепций, в центре внимания которых – анализ глубинных пластов сознания людей, того, что скрывается за проявлениями радикализма и экстремпарантности социальных групп, общностей, классов, в том числе – телевизионной аудитории.

Классик феноменологической парадигмы А. Шюц полагал, что основной целевой установкой социологии выступает не изучение реальности мира, а анализ тех смыслов и значений, которые люди придают социальным объектам, «маркируют» их. Общество дифференцировано посредством духовной культуры на ряд миров (мир опыта, мир науки, мир религиозной веры, мир душевной болезни, мир художественной фантазии и т.д.), каждый из которых представляет собой совокупность жизненного опыта. Каждый человек вовлекается в различные виды социальной активности, деятельности, в результате чего значение имеют уже не столько сами социальные объекты, сколько их субъективные интерпретации, смыслы, созданные деятельностью разума [13].

Ценность методологической установки А. Шюца проявляется в том, что автор смог аргументировано доказать: совокупность векторов социального реагирования на различные культурно-коммуникативные стимулы, в том числе и телевизионную информацию, у разных групп населения может весьма широкой. Особую сложность социальной ситуации придает тот факт, что зачастую, как справедливо отмечал А. Шюц, реакция социальных субъектов на стимулы может быть прямо противоположной тому, что планировал коммуникатор. Именно этим объясняются непонимание элитами и менеджментом телеканалов того факта, что демонстрация, например, «безобидной», с их точки зрения криминальной хроники, может повышать агрессивность общества, способствовать радикализации и экстремпарантности, создавая «базу» экстремизма.

Итальянский социолог В. Парето обосновал научную концепцию, постулирующую дифференциацию человеческих действий на логические и нелогические. Парето отмечал, что логические действия довольно редки и не являются атрибутивными характеристиками социальных акторов в обществе. Напротив, в жизни доминируют именно нелогические или аффективные, иррациональные действия. Логические действия базируются на рассудке, мышлении, анализе социальной ситуации. В свою очередь, нелогические – на чувствах и эмоциях. Однако Парето допускал, что нелогические действия могут включать в себя и элемент логики, рассуждение; это объясняется потребностью нелогического действия в его «логизации» (рационализации, так как люди в большинстве своем склонны позиционировать свои нелогические действия в качестве логических). Вывод классика итальянской социологии был неутешителен: ученые склонны переоценивать природу человека – социального животного, облеченного в ткань социума, но все еще находящегося под влиянием инстинктов, страстей, влечений [14].

Методологическую ценность работ В. Парето в вопросе оценки степени, характера и направленности влияния телевизионных передач на сознание аудитории сложно переоценить. Труды итальянского социолога показывают, что в любом человеке имплицитно присутствует алогическое начало, его инстинкты, страсти, аффекты. Телевидение своими передачами способно «пробуждать» те элементы биосоциальной природы человека, которые в ходе социализации и воспитания были скрыты в глубинах его сознания, подчиняясь давлению общества. Еще более тяжелая проблемная ситуация открывается, согласно учению Парето, если определенные сегменты общества не подвергаются в должной мере процессам социализации и воспитания. В таком случае агрессивные сериалы, различные ток- и реалити-шоу, криминальные хроники они принимают «за чистую монету», реагируют некритично, воспринимая художественное как синоним социального.

Литература:

1. Попова Т.В., Гришай В.Н., Мацнев А.А. Методология прикладных исследований телевизионной аудитории в социологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2016. – № 1.
2. Кубякин Е.О. Основания социально-философского обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. – Краснодар, 2014. – С. 28.
3. Кубякин Е.О. Основания социально-философского обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. – Краснодар, 2014. – С. 28.
4. Кубякин Е.О. Основания социально-философского обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. – Краснодар, 2014. – С. 28.
5. Кубякин Е.О. Основания социально-философского обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. – Краснодар, 2014. – С. 137.
6. Кубякин Е.О. Основания социально-философского обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. – Краснодар, 2014. – С. 137.
7. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Радикализм> (дата обращения 12.07.2018).
8. Круглов А.Е. Молодежный радикализм: формирование угрозы безопасности в период трансформации российского общества: дис. ... д-ра полит. наук. – Саратов, 2006.
9. Круглов А.Е. Молодежный радикализм: формирование угрозы безопасности в период трансформации российского общества : дис. ... д-ра полит. наук. – Саратов, 2006.
10. Воронина Е.Ю. Политический радикализм как объект политологического анализа : дис. ... канд. полит. наук. – М., 2013.
11. Аршинова А.И. Молодежный радикализм в политическом процессе современной России (1990–2000-е гг.) : дис. ... канд. полит. наук. – М., 2012.

12. Плотников В.В. Трансформация социальных институтов как генетический фактор феномена экстремизма : монография. – Краснодар, 2016. – 230 с.
13. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
14. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. А.А. Зотова. – М. : Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008. – 2-е изд.

Literature:

1. Popova T.V., Grishai V.N.; Matsnev A.A. Methodology of applied research of the TV audience in sociology // Vestnik of Adygeya State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies. – 2016. – № 1.
2. Kubyakin E.O. Fundamentals of social and philosophical substantiation of the phenomenon of extremism. Extremparability. – Krasnodar, 2014. – P. 28.
3. Kubyakin E.O. Fundamentals of social and philosophical justification of the phenomenon of extremism. Extremparateness. – Krasnodar, 2014. – P. 28.
4. Kubyakin E.O. Fundamentals of social and philosophical justification of the phenomenon of extremism. Extremparateness. – Krasnodar, 2014. – P. 28.
5. Kubyakin E.O. Fundamentals of social and philosophical justification of the phenomenon of extremism. Extremparateness. – Krasnodar, 2014. – P. 137.
6. Kubyakin E.O. Fundamentals of social and philosophical justification of the phenomenon of extremism. Extremparateness. – Krasnodar, 2014. – P. 137.
7. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Радикализм> (date of request 12.07.2018).
8. Kruglov A.E. Youth Radicalism: Formation of a Security Threat during the Transformation of Russian Society : dis. ... Doctor of Political Science. – Saratov, 2006.
9. Kruglov A.E. Youth Radicalism: Formation of the Security Threat during the Transformation of the Russian Society : dis. ... Doctor of Political Science. – Saratov, 2006.
10. Voronina E.Yu. Political radicalism as an object of political analysis : dis. ... Cand. political science. – M., 2013.
11. Arshinova A.I. Youth radicalism in the political process of modern Russia (1990–2000) : dis. ... Cand. political science. – M., 2012.
12. Carpenters V.V. Transformation of social institutions as a genetic factor in the phenomenon of extremism: monograph. – Krasnodar, 2016. – 230 p.
13. Schutz A. Meaning structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology / composition A.Ya. Alkhasov; english lane A.Ya. Alkhasova. – M. : Institute of Public Opinion Foundation, 2003.
14. Pareto V. Compendium on General Sociology / A.A. Zotova lane. – M. : Published by the State University Higher School of Economics, 2008. – 2nd edition.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ У МОЛОДЕЖИ
КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА**

**FORMATION OF SENSE OF JUSTICE AT YOUTH
AS THE THEORETICAL PROBLEM AND THE PRACTICAL TASK**

Зенин Константин Анатольевич
кандидат социологических наук,
доцент, докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

Konstantin A. Zenin
Candidate of sociological sciences,
Associate Professor, Doctoral candidate,
Nevinnomyssk state humanitarian
and technical institute
milena.555@mail.ru

Ширяев Александр Сергеевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Юридический институт,
Северо-Кавказский
федеральный университет
milena.555@mail.ru

Alexander S. Shiryaev
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of criminal proceedings,
Legal institute
North Caucasian federal university
milena.555@mail.ru

Шатовкина Римма Викторовна
кандидат юридических наук,
докторант кафедры философии
и социологии,
Адыгейский
государственный университет
milena.555@mail.ru

Rimma V. Shatovkina
Candidate of Law Sciences,
Doctoral candidate of department
of philosophy and sociology,
Adygei state university
milena.555@mail.ru

Мусаев Алик Растамович
соискатель кафедры
профессионального обучения,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

Alik R. Musayev
Applicant of department
of vocational education,
Nevinnomyssk state humanitarian
and technical institute
milena.555@mail.ru

Аннотация. Предметом данного исследования выступает феномен правосознания молодежи как фактор реализации приоритетной задачи по формированию правового общества в современной России. Формирование правосознания у молодежи обнаруживает себя и в качестве теоретической проблемы и в качестве практической задачи. В связи с этим, в системе социального познания присутствует двойственное отношение к данному вопросу. В настоящей статье дается аналитическое сравнение институционального и просветительского подходов к проблеме правосознания молодежи, определяется основание их различия. Сопоставление данных подходов позволяет выявить те специфические черты феномена правосознания, которые оказываются доступны в рамках каждого из контекстов. В завершение статьи делается вывод о том, что практика общественного развития нуждается в том, чтобы в отношении указанных подходов был реализован принцип дополнительности. Это формирует новый виток развития проблемы правосознания молодежи в современной России и определяет поле дальнейшего исследования.

Ключевые**слова:**

правовое общество, правовое государство, правосознание, Конституция РФ, философия права, институциональный подход, просветительский подход, принцип дополнительности.

Annotation.

As an object of research the phenomenon of sense of justice of youth as a factor of realization of a priority task of formation of legal society in modern Russia acts. Formation of sense of justice finds itself in youth both as a theoretical problem and as a practical task. In this regard at the system of social knowledge there is a dual relation to the matter. In the present article analytical comparison of institutional and educational approaches to a problem of sense of justice of youth is given, the basis of their distinction is defined. Comparison of these approaches allows to reveal those peculiar features of a phenomenon of sense of justice which are available within each of contexts. The conclusion that practice of social development needs that concerning the specified approaches the principle of complementarity was realized is drawn. It forms a new round of development of a problem of sense of justice of youth in modern Russia and defines the field of a further research.

Keywords:

legal society, constitutional state, sense of justice, Constitution of the Russian Federation, legal philosophy, institutional approach, educational approach, principle of complementarity.

Формирование правосознания современной молодежи представляет собой социально значимую практическую задачу и, вместе с тем, актуальную теоретическую проблему, в решении которой задействованы различные отрасли научного познания. Правосознание является философско-правовой категорией, выражающей ментальную основу бытия права. В русле концепции правового государства, конституционно закрепленной в постсоветской России, категория правосознания употребляется в качестве интегральной характеристики присутствия норм права в структуре общественного сознания, то есть, фактически, означает восприятие норм права в качестве имманентного принципа социальной организации [1]. Именно благодаря наличию правосознания у граждан вырабатывается сознательная установка следования правовым нормам, закрепленным в конкретном обществе, даже в тех случаях, когда нормы права должным образом не подкреплены функциональными принципами социального контроля [2].

Таким образом, благодаря социальной реализации функции правосознания правовые нормы воспринимаются не внешним образом, в абстрактной плоскости установленных законов, а в качестве принципов, нормирующих социальное взаимодействие, опираясь на знание которых перед лицом граждан открываются не только обязанности, но и права, защищенные обществом и государством [3]. Социализированная в системе правового общества и государства личность напрямую сталкивается с диалектической проблемой соотношения прав и обязанностей, определяющей меру социальной свободы. Рациональное решение данной задачи на уровне индивидуального носителя социальных (в первую очередь правовых) норм открывает возможность рационального конструирования системы социальных взаимоотношений, тем самым становится важнейшим институциональным основанием социального развития [4].

Понимание значимости формирования правового типа общества и системы правового государства является одной из важнейших характеристик современного и прогрессивного общества, при этом далеко не всегда данная программа реализуется в полной мере.

Проблема правосознания коренится в том, что право, по определению, является формой общественного сознания, таким образом, что ни в одной из существующих социальных систем и подсистем не может не присутствовать определенная форма правосознания. Поэтому правильная акцентуация проблемы правосознания в современном обществе состоит не в том, что необходимо насадить правосознание там, где его по каким-то основаниям пока еще нет, а в том, что необходимо довести актуальный уровень правосознания до желаемого результата, а также привести имеющиеся модели правосознания к необходимому результату. Желаемое состояние и необходимый результат на концептуальном уровне закреплен в Конституции Российской Федерации.

Исследование принципов формирования и развития правовой культуры в современном обществе выявляет множество факторов, обуславливающих правосознание в социальной среде. Вместе с тем трансформации в системе общественного сознания представляют собой чрезвычайно сложный и длительный процесс. Неоднородность данного процесса определяется фактором смены поколений. Общество пребывает в перманентном развитии. Это означает, что

процесс социализации личности никогда не прерывается. Очевидно, что исследование принципов правовой социализации молодежи является перспективным направлением исследования данной проблемы. Именно молодое поколение представляет собой социальную прослойку, в которой происходят наиболее интенсивные процессы формирования и развития правосознания. Это определяет необходимость «не упустить» правовую социализацию современной молодежи, поскольку именно от этого зависит будущее нашей страны [5]. Актуальность подобного подхода частично обосновывается и тем, что вот уже в 2023-м году нас ожидает 30-летие с момента установления Конституции и официального закрепления курса на правовое общество и государство. В этом смысле, трудно переоценить теоретическое рассмотрение проблемы правосознания сквозь призму смены поколений-носителей того или иного паттерна правосознания. Формирование правосознания современной молодежи является актуальной теоретической и практической проблемой, поскольку именно в молодом поколении сейчас закладываются нормы правового поведения, реализуемые в будущем, но уже на уровне сформировавшихся граждан государства. В связи с этим в поле внимания научного познания попадает та возрастная группа, которая выступает активным участником и субъектом правовой социализации. Итак, предметом настоящей статьи выступает аналитика базовых теоретических подходов к проблеме формирования правосознания современной молодежи.

Гипотеза исследования состоит в том, что существует две группы факторов, определяющих формирование и развитие правосознания человека. Первая группа факторов относится к эмпирической стороне социальной реальности, которая постигается индивидом посредством практики социального взаимодействия, направляемой репрезентируемыми в самой социальной среде паттернами правового взаимоотношения. Вторая группа факторов связана с теоретической составляющей права, как специфического нормативного принципа, который не только репрезентируется в социальной среде, но и подлежит глубокому философскому анализу. Подобное разграничение позволяет сопоставить два базовых подхода к правовому воспитанию современной молодежи. Первый подход реализуется в русле позитивной социологии и представляет собой институциональный подход к рассмотрению проблемы правовой социализации. Данный подход позволяет выявлять надличностные факторы правового воспитания, действие которых начинается задолго до того как индивид достигнет той степени интеллектуального развития, которая позволила бы критически воспринимать правовые аспекты собственного поведения в социальной среде [6]. Второй подход связан с объективацией категории «правосознание» в социально-философском дискурсе. Правосознание, как категория философии права позволяет рассматривать единичные правоотношения в аспекте общей идеи права, выводить конкретное восприятие правовых норм на уровень надындивидуальной реальности [7]. В частности, речь идет о том, что философия права как форма социального познания связывает основание собственной актуальности в отношении практики общественного развития с предпосылкой о возможности самосознания личности выходить за пределы институциональной детерминированности личностного поведения и задавать собственную модель поведения.

Показательно, что двойственность теоретических подходов определяет то, какое содержание несет в себе категория «правосознание». В частности, в русле институционального подхода правосознание определяется в качестве формы отражения правовой реальности, которая, в свою очередь, сводится к социально-обусловленным моделям поведения. В этом смысле термин «правосознание» в системе социологического знания используется в качестве некоторой интегральной характеристики, позволяющей определить системное единство общественного мнения, ценностных установок, стереотипов поведения и репрезентируемых форм самооценки социального взаимодействия, а также оценки социального взаимодействия иных индивидов в отношении к институту права и системе правовых ценностей. При таком подходе правосознание выступает функцией правоотношений и важнейшим элементом механизма социального контроля. Когда социологи права и правоведа всерьез говорят о правосознании, без намека на то, что намерены совершить переход из предметной сферы социологии и юриспруденции в область философии права, то, как правило, речь идет не о правосознании как таковом, в собственном смысле и с перспективой проблематизации данной категории, а о правосознании как условной характеристике, позволяющей дать качественную оценку уровня развития правовых отношений в социуме. Важно при этом отметить, что и позитивная наука сталкивается с некоторыми проблемами использования термина «правосознание». В частности, речь идет даже не о том, что правосознание фиксирует правовую реальность с позиции субъекта правоотношений, что априори не может быть зарегистрировано в русле методологии субъект-объектного научного познания, правосознание, будучи качественной характеристикой, плохо

согласуется с количественными методами объективации социальной реальности. В связи с этим конкретный уровень правосознания в социальной среде, в действительности, оказывается невозможным однозначно отразить и зафиксировать. Это ставит под сомнение практику использования данной категории в системе социального научного познания. Однако и отказаться от использования данного термина наука тоже не может. Актуальность его использования возрастает в связи с качественными изменениями в способах отражения и репрезентации правовой реальности в рамках ментального образа права.

Автор исходит из той теоретической позиции, что существует два базовых канала формирования правосознания современной молодежи: конкретная практика правовых взаимоотношений как непосредственный эмпирический материал для последующего осмысления и философско-правовой дискурс, очерчивающий фундаментальные проблемы правовой реальности. Институциональный подход в большей степени применим для обоснования конкретных форм правоотношений, формирующихся и репрезентируемых в социальной среде [8]. Таким образом, он направлен на раскрытие суммы факторов отвечающих на вопрос, каким образом сформировалась конкретная система правоотношений, выступающая в роли эмпирического базиса для правосознания. При этом он не исчерпывает описание факторов формирования и развития правосознания, кроме того, склонен игнорировать или, по крайней мере, недооценивать обратную связь между правосознанием граждан и системой правовых отношений. Объяснение у такой недооценки весьма простое: правосознание в контексте данного подхода рассматривается как функция правоотношений, таким образом, изначально берется в абстрактной форме. Философско-правовой анализ призван компенсировать данную недостаточность, представить категорию правосознания в ее конкретике, а не в обедненной, выхолощенной форме. Здесь правосознание рассматривается в отношении к правовой дискуссии, как более высокий уровень реальности, выступающий надстройкой над практикой правовых отношений. Благодаря этому в молодежной среде на долгие годы закрепляются принципы правовых (или противоправных) отношений, которые, как правило, в общих чертах сохраняются в течение всей последующей жизни и транслируются следующим поколениям. Данное обстоятельство обуславливает значимость не только правового воспитания молодежи, но и просвещения в области философско-правовой проблематике. Важно отметить, что процесс правового воспитания коррелируется сразу с двумя несводимыми друг к другу уровнями социальной реальности: с одной стороны это реальная практика правовых отношений, с другой стороны – это уровень теоретической абстракции, доступный философии права. Логика формирования и развития правосознания в молодежной среде соотносится с тем, каким образом осуществляется отражении актуальных философско-правовых дискуссий в сознании современной молодежи.

Специфика правосознания как фактора формирования правового общества состоит в том, что правовая реальность воспринимается изначально в проблемном ключе. Итак, правосознание современной молодежи формируется через критическое восприятие практики правовых отношений в социальной среде с соотносением с теоретическими достижениями философско-правового дискурса. Соответственно, теоретический уровень, он же философско-правовой, создает контекст критического восприятия практики правоотношений и тем самым оказывает влияние на самосознание субъекта правоотношений.

Рассматриваемая схема позволяет увидеть те проблемы, которые возникают в правовой сфере жизни общества в случае дисфункции или гиперфункции одного из каналов формирования правосознания. Так, если устранить роль философско-правовой сферы в формировании правосознания, то последнее, как мы уже говорили, становится функцией правоотношений, которые, в свою очередь, являются лишь одним из аспектов социальных отношений, что открывает перспективу для поиска внешних факторов

Итак, категория «правосознание» широко используется для обозначения ментальной формы бытия права и способа его представленности в социальной системе. Правосознания в широком смысле – это право как форма общественного сознания. В связи с этим, нельзя отрицать тот факт, что управление уровнем правосознания в обществе традиционно входит в сферу интересов всякой государственной системы. Поскольку в Конституции РФ закреплён статус России как правового государства, повышение уровня правосознания у граждан государства является приоритетной задачей.

В реализации программы повышения уровня правосознания граждан существенную роль играет правовое воспитание и правовое образование молодежи. Рассматривая соотношение институционального и просветительского подходов, следует учитывать то, что в практическом отношении они дополняют друг друга и могут быть рассмотрены в качестве двух каналов формирования правосознания.

Просветительский и институциональный подходы можно считать базовыми подходами к решению приоритетной задачи по повышению уровня правосознания граждан. Реализация первого подхода связана с популяризацией правовой и философско-правовой литературой, знакомством с сущностью и основными чертами эволюции философско-правового дискурса. Индивидуальное правосознание граждан, при этом, входит во взаимодействие с фундаментальными правовыми идеями и концепциями. Правовая сфера жизни общества обнаруживает свою проблематичность, индивидуальное сознание подключается к вопросу решения и преодоления ряда общих теоретических проблем права. Несомненным достоинством такого подхода является утверждение прав и свободы личности, а также субъект-субъектная модель взаимодействия в праве.

Литература:

1. Мороз Е.В. Модернизация российского правопонимания как элемент социокультурной трансформации // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – С. 106–110.
2. Тохтуев И.А. Право и политика как ценностные регуляторы общества // Вестник КГУ. – 2011. – № 1. – С. 253–256.
3. Погодин А.В. Взаимодействие политики и права и проблемы правореализации в политической сфере // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 2012. – № 4. – С. 25–33.
4. Петрова Г.И. Современные философские рефлексии относительно права, правовых отношений и юридической науки, их оформляющей // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2010. – № 330. – С. 60–63.
5. Бахарева А.Н. Формирование правосознания и молодежь // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2006. – № 22. – С. 24–26.
6. Крутиков М.Ю. Правовое воспитание в системе правовой социализации в условиях современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3-1. – С. 200–210.
7. Плотников В.В. Надьиндивидуальный субъект, как категория социально-гуманитарного познания : Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность // Межвузовский сборник научных трудов. – Краснодар, 2018. – С. 159–161.
8. Бессонова Т.Н. Воспитание гражданственности: институциональный подход // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 3. – С. 212–130.

Literature:

1. Moroz E.V. Modernization of the Russian legal understanding as an element of sociocultural transformation // Vestnik KemSU. – 2013. – № 2 (54). – P. 106–110.
2. Tohtuev I.A. Law and Politics as Value Regulators of Society // Vestnik KSU. – 2011. – № 1. – P. 253–256.
3. Pogodin A.V. Politics and law interaction and problems of law enforcement in the political sphere // Proc. of Kazan. Sergius: Humanities. sciences. – 2012. – № 4. – P. 25–33.
4. Petrova, G.I. Modern philosophical reflections concerning the law, legal relations and legal science, formalizing them // MPEI Vestnik. – 2010. – № 330. – P. 60–63.
5. Bakhareva A.N. Formation of legal consciousness and youth // Izvestia of Herzen Russian State Pedagogical University. – 2006. – № 22. – P. 24–26.
6. Krutikov M.Y. Legal education in the system of legal socialization in the conditions of co-temporal Russia // Izvestia TulSU. Humanities. – 2013. – № 3-1. – P. 200–210.
7. Carpenters V.V. Nadyndivny subject as a category of socio-humanitarian knowledge: topical issues of socio-humanitarian knowledge: history and modernity // Interuniversity collection of scientific works. – Krasnodar, 2018. – P. 159–161.
8. Bessonova T.N. Education of Citizenship: Institutional Approach // Vestnik LSU named after A.S. Pushkin. – 2011. – № 3. – P. 212–130.

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ
АГРЕССИВНЫХ ПРАКТИК МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ
НА ТЕЛЕВИДЕНИИ**

**SOCIAL AND PHILOSOPHICAL EXPERIENCE OF JUDGMENT
AGGRESSIVE THE PRACTICIAN OF MANIPULATION
WITH PUBLIC CONSCIOUSNESS ON TELEVISION**

Попова Татьяна Владимировна
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника,
Научно-исследовательский центр
Академии управления МВД России
milena.555@mail.ru

Tatyana V. Popova
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor, deputy Chief,
Research center
of the MIA Academy of Management
milena.555@mail.ru

Исламов Ферзилах Исламович
кандидат социологических наук,
доцент, докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

Ferzilakh I. Islamov
Candidate of sociological sciences,
Associate Professor, Doctoral candidate,
Nevinnomyssk state humanitarian
and technical institute
milena.555@mail.ru

Зиятдинова Юлия Ефимовна
доктор социологических наук,
профессор,
старший научный сотрудник,
НИИ ФСИНа
milena.555@mail.ru

Yulia E. Ziyatdinova
Doctor of sociological sciences, Professor,
Senior research associate,
Scientific Research Institute FSINA
milena.555@mail.ru

Капустян Наталья Викторовна
кандидат социологических наук,
заместитель заведующего кафедрой
трудового и предпринимательского
права,
Ставропольский институт кооперации,
филиал Белгородского университета
кооперации, экономики и права
milena.555@mail.ru

Natalya V. Kapustyan
Candidate of sociological sciences,
Assistant manager department
of the labor and enterprise law,
Stavropol institute of cooperation branch
of the Belgorod university of cooperation,
economy and right
milena.555@mail.ru

Аннотация. В рамках настоящей статьи с позиции социальной философии рассматривается проблема манипуляции общественным сознанием в телевизионном пространстве коммуникации. По нашему мнению, история и современное состояние проблемы со всей очевидностью демонстрирует тот факт, что менеджмент телеканалов и экономические элиты, являющиеся собственниками этих масс-медиа, излишне увлекаются технологиями агрессивной манипуляции.

Ключевые слова: телевидение, коммуникация, манипулятивные технологии, культура, пропаганда, информационные процессы.

Annotation. Within the present article from a position of social philosophy the problem of manipulation with public consciousness in television space of communication is considered. According to us, the history and the current state of a problem with all evidence

shows that for the management of TV channels and economic elite which are owners of these mass media excessively are fond of technologies of aggressive manipulation.

Keywords: television, communication, manipulative technologies, culture, promotion, information processes.

Особую проблему составляет «увлеченность» телевидения манипулятивно-пропагандистскими инструментами, что получило в обществе ярлык манипулятивности. По нашему мнению, история и современное состояние проблемы со всей очевидностью демонстрирует тот факт, что менеджмент телеканалов и правящие элиты, являющиеся собственниками этих масс-медиа, излишне увлекаются технологиями агрессивной коммуникации. Данный тип коммуникации характерен для недемократических политических режимов, однако, в ряде случаев, он способен захватывать и демократические, где недостаточно развиты институты гражданского общества, невысока социальная активность населения. Агрессивная коммуникация обладает широким спектром технологий воздействия на сознание человека, который воспринимается предельно пренебрежительно как некий примитивный социальный субъект.

На наш взгляд, современное телевидение в настоящее время использует три разновидности так называемых технологий «промывания мозгов» массовой аудитории (или, по сути, инструментов деформации сознания аудитории): пропаганду, агрессивную коммерческую рекламу и манипуляцию сознанием. При этом лишь пропаганда формально может быть отнесена к инструментам воздействия на массовую аудиторию, характерным для тоталитарного общества. Остальные два вида массово-коммуникативного воздействия, применяемых телевидением, по сути, соответствуют демократическому государству. Однако демократизация социально-политической сферы еще не означает демократизации сферы массовых коммуникаций.

Одним из наиболее древних инструментов агрессивного воздействия на сознание телевизионной аудитории выступает пропаганда. Г.Г. Почепцов определяет пропаганду как такой тип коммуникации, где могут расходиться цели коммуникатора и адресата, т.е. коммуникатор может переводить адресата на цели, выгодные не ему, а коммуникатору. Аудиторию в ходе пропагандистских кампаний нужно постепенно готовить к принятию совершенно иных идей и поступков.

Исследователи выделяют следующие атрибутивные признаки пропаганды как массово-коммуникативного воздействия на аудиторию:

1) пропаганда является системой жизнедеятельности, которая реализуется в распространении теоретических знаний, ценностей искусства и информации различного характера. Ее цель заключается в формировании определенных взглядов, установок, ценностей, эмоциональных состояний, формирование нужного характера социального поведения индивидов;

2) пропаганда – система распространения в среде индивидов идеологических и политических ценностей и установок, присущих определенным классам, партиям, государствам;

3) пропаганда – мощнейшая система, включающая в себя средства манипуляции общественным сознанием [1].

Пропаганду необходимо отличать от других агрессивных видов массово-коммуникативного воздействия. Как правило, пропаганда (и в этом проявляется ее сходство с агитацией), не слишком стремится скрыть «следы» своего присутствия в сознании аудитории. Пропагандист, используя подтасовку фактов, дезинформацию и многократные разноплановые повторы сообщений, достигает необходимых эффектов, а телевизионная аудитория постепенно привыкает к подобному воздействию, которое просто «вживляется» в ее сознание. Становится очевидным, что пропаганда опирается на пассивность, низкую социально-информационную активность аудитории, наживается на желании людей «отдохнуть» у телевизора.

Не меньшую опасность в аспекте агрессивного воздействия на сознание телевизионной аудитории, представляет реклама. Особенно опасен феномен агрессивной рекламы. По мнению Ю.В. Смык, агрессия в рекламе – это один из самых сильных эмоционально воздействующих факторов. В основе агрессии лежат эмоции, и именно они необходимы маркетингу. Добавляя эмоциональную составляющую в коммуникацию с потребителем, рекламисты создают более персонализированные сообщения, эксплуатирующие определенные настроения в сознании потребителя. Агрессия производит шокирующее впечатление на человека, ослабляя его рефлекс, дезориентируя его защитные механизмы, подчиняет навязанной воле производителя. С этой точки зрения близкими к понятию «агрессивная реклама» стоит считать эпатажную рекламу, неэтичную рекламу, также использующие агрессивные, часто непредсказуемые стимулы [2].

Агрессивная коммерческая реклама, обладающая многочасовой монополией на телевизионное вещание в современной России, возможно, и добивается планируемых маркетологами эффектов (увеличение узнаваемости бренда, и, как следствие, увеличение продаж и т.п.). Однако, как справедливо отмечают исследователи, имеет место один существенный отрицательный момент – чрезмерное использование рекламы телеканалами, внушение людям мысли о том, что приобретение тех или иных товаров сделает человека более счастливым, более привлекательным или будет способствовать более высокому статусу в обществе. Это приводит к деформации системы ценностей человека, подменяя стимулы внутреннего, духовного развития потребительски ориентированными стимулами [3].

По мнению Т.В. Науменко, рекламируя на телевидении тот или иной товар, рекламода-тель не только призывает купить этот товар, т. е. проводит не только агитационную работу. Пытаясь воздействовать на систему ценностей человека, реклама влияет также на фундаментальные мировоззренческие основы общества, иными словами, осуществляет пропаганду того или иного образа жизни [4]. Это имеет не только позитивные, но и негативные социальные последствия. В частности, реклама «красивой, беззаботной жизни», характерной для элиты общества, вызывает аффективные состояния у представителей социально необеспеченных слоев населения.

Индивиды, особенно молодежь, в силу своих социально-возрастных особенностей, могут демонстрировать фрустрацию, подавленность или, наоборот, агрессивные действия (большинству представителей низших слоев населения понятно, что такого уровня жизни им вряд ли удастся достичь когда-нибудь). Данная проблема свойственна не только рекламным сообщениям, но и художественным фильмам, сериалам, передачам, транслируемым телевидением и т.д. [5].

Стоит отметить, что фактор агрессивной рекламы во многом недооценивается современными исследователями. Зачастую рекламистам многое прощается, так как все понимают, что у них очевидны меркантильные цели – продать товар, увеличить прибыль. Однако необходимо понимать, что агрессивная коммерческая реклама по телевидению может обладать способностью к экстремизации сознания массовой аудитории. Многие социально-мифологические конструкты коммерческой рекламы далеко не безобидны по своей сути; здесь активно представлены агрессия, цинизм, эгоизм, жажда наживы и жизненного успеха, а также конструкты престижного потребления т.п. Кроме того, «заоблачные высоты» выглядят совершенно не достижимыми для рядового потребителя, что может вызывать у него массу негативных поведенческих эффектов.

Вместе с тем, самой изощренной формой воздействия на сознание аудитории выступает сравнительно недавнее изобретение агрессивных коммуникаторов – манипуляция сознанием. Х. Ортега-и-Гассет выводит феномен «манипулирования» из фатальной необходимости духовной диктатуры во все эпохи истории. Народ, по Ортега-и-Гассету, не обладает теоретическим пониманием бытия вещей, ему присущи только оценочные суждения. Неприспособленность к теоретическому мышлению мешает народу принимать разумные решения и составлять правильные мнения. Навязывание общественного мнения облегчается, по Ортега-и-Гассету, тем, что массе в целом присущи врожденная психическая функция подражания, инстинкт послушания и стремление к некоторому образцу. Современный массовый человек не умеет мыслить» [6].

По мнению Г. Шиллера, фрагментация информационного потока и мгновенность доставки информации является одним из важнейших приемов воздействия на сознание аудитории. Фрагментация подачи информации лишает возможности целостного восприятия картины мира, что искажает различные аспекты социальной реальности, дает возможность выделять одни события, «затенять» другие. То, что человек немедленно получает информацию, создает иллюзию чуть ли не присутствия на месте событий [7].

Быстрота распространения непроверенной, неточной, а иногда и ложной информации открывает возможность для ее искажения и, следовательно, позволяет манипулировать общественным сознанием. Важнейшая сторона процесса манипулирования – пассивность восприятия. Г. Шиллер видит в ней главную цель манипулирования сознанием. В обществе происходит создание потребительского отношения к информации и отмечается неучастие большинства граждан в общественной деятельности [8].

По мнению А.С. Петраковой, манипуляция – это процесс скрытого управления сознанием индивида (общества в совокупности образующих его человеческих индивидов) с целью побуждения последнего к совершению действий, отвечающих интересам и целям манипулятора. При этом подобное управление возможно лишь в условиях такой трансформации сознания манипулируемого, при которой любые его поведенческие проявления им самим рассматриваются как акт свободного осознанного волевого самоопределения [9].

Социальными детерминантами активного использования манипулятивных технологий выступает перегруженность постиндустриального общества информационными потоками, вследствие чего сознание рядового потребителя информации просто не успевает за происходящими событиями. Этим зачастую и пользуются манипуляторы.

Как справедливо отмечает А.С. Петракова, обстоятельства происшедшей в России на рубеже XX–XXI столетий социально-экономической перестройки вывели методы манипуляционного управления здесь, даже на государственном уровне, в разряд определяющих, самых основных. Россия оказалась страной, в которой, как минимум, на два десятилетия воцарился «манипуляционный беспредел», утвердился принцип мошеннического накопления «первичного капитала» методами всякого рода финансовых пирамид, нечестной торговой рекламы, коррупционных схем и прочь [10].

Безусловно, отсутствие государственной или общественной политики сдерживания манипуляций сознанием, неурегулированность данного вопроса, прежде всего, на политическом уровне, делает беззащитным перед манипуляцией простого человека. Этим активно пользуются правящие элиты, обрушивающие на сознание людей самые изощренные информационно-коммуникационные технологии.

Необходимо учитывать тот факт, что телевидение влияет на формирование общественного мнения так, как никакое иное средство информации. Эффект присутствия, синхронности, причастности зрителя к событиям, происходящим на экране телевизора, заставляет его верить в правдивость подаваемого ему материала («лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»). Сила этого эффекта настолько велика, что телевидение способно вводить зрителя в заблуждение даже во время прямого репортажа [11].

Литература:

1. Душкина М.Р. PR и продвижение в маркетинге: коммуникации и воздействие, технологии и психология. – URL : <http://bizbook.online/marketing-book/prodvijenie-marketinge-kommunikatsii.html> (дата обращения: 16.03.2018).
2. Смык Ю.В. Социально-психологические аспекты использования агрессии в рекламе // Концепт. – 2014. – № 8. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-aspekty-ispolzovaniya-agressii-v-reklame> (дата обращения: 17.03.2018).
3. Науменко Т.В. Массовая коммуникация и методы ее воздействия на аудиторию // Философия и общество. – 2004. – № 1.
4. Науменко Т.В. Массовая коммуникация и методы ее воздействия на аудиторию // Философия и общество. – 2004. – № 1.
5. URL : <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.easyschool.ru%2Fsosh%2F> (дата обращения 10.04.2018).
6. URL : <http://psyfactor.org/propaganda2.htm> (дата обращения 18.04.2015).
7. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М., 1980.
8. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М., 1980.
9. Петракова А.С. Социально-философский анализ трансформации сознания личности средствами манипулятивного воздействия : дис. ... канд. филос. наук. – Краснодар, 2014.
10. Петракова А.С. Социально-философский анализ трансформации сознания личности средствами манипулятивного воздействия : дис. ... канд. филос. наук. – Краснодар, 2014.
11. URL : <http://psibook.com/books/14/28.html> (дата обращения 07.04.2019).

Literature:

1. Dushkina M.R. PR and marketing promotion: communications and impact, technology and psychology. – URL : <http://bizbook.online/marketing-book/prodvijenie-marketinge-kommunikatsii.html> (contact date: 16.03.2018).
2. Smyk Yu.V. Socio-psychological aspects of aggression in advertising // Concept. – 2014. – № 8. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-aspekty-ispolzovaniya-agressii-v-reklame> (contact date: 17.03.2018).
3. Naumenko T.V. Mass communication and methods of its influence on the audience // Philosophy and society. – 2004. – № 1.
4. Naumenko T.V. Mass communication and methods of its influence on the audience // Philosophy and society. – 2004. – № 1.

5. URL : [https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.easyschool.ru%2Fsosh%](https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.easyschool.ru%2Fsosh%2F) (address date: 10.04.2018).
6. URL : <http://psyfactor.org/propaganda2.htm> (contact date: 18.04.2015).
7. Schiller G. Manipulators of consciousness. – M., 1980.
8. Schiller G. Manipulators of consciousness. – M., 1980.
9. Petrakova A.S. Social and philosophical analysis of the transformation of the consciousness of a person by means of manipulative influence : discs. ...Cand. of Philosophy. – Krasnodar, 2014.
10. Petrakova A.S. Social and philosophical analysis of the transformation of the consciousness of a person by means of manipulative influence : discs. ... Philosophy. – Krasnodar, 2014.
11. URL : <http://psibook.com/books/14/28.html> (accessed on 07.04.2019).

АРХАИЗАЦИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ARCHAIZATION IN THE SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Ситников Алексей Петрович

доктор экономических наук, профессор,
Южно-Российский
гуманитарный институт
urgj@urgj.info

Aleksey P. Sitnikov

Doctor of Economic Sciences, Professor,
South-Russian Institute of Humanities,
urgj@urgj.info

Аннотация. Введение концепта «архаизация» в проблемное поле социального познания вызвано обращенностью социума и правящего класса к прежнему социокультурному опыту на фоне радикальных социокультурных трансформаций. Архаизация общества находится в устойчивой взаимосвязи с процессом социокультурной трансформации и трактуется как исключение из общества и социокультурных практик новообретенных элементов и актуализацию традиционных, ранее подавленных или затаившихся в тени. Нарастание в российском обществе архаизационных социальных практик ведет к деформации социальности и утрате обществом и человеком смысло-жизненной целостности.

Ключевые слова:

архаизация, модернизация, традиционализм, социокультурная динамика, трансформация.

Annotation.

The Introduction of the concept of «archaization» into the problem field of social cognition is caused by the appeal of society and the ruling class to the previous socio-cultural experience against the background of radical socio-cultural transformations. Archaization of society is in a stable relationship with the process of socio-cultural transformation and is interpreted as an exception to society and socio-cultural practices of newfound elements and the actualization of traditional, previously suppressed or lurking in the shadows. The growth of organizational social practices in the Russian society leads to the deformation of sociality and the loss of society and man's meaningful integrity.

Keywords:

archaization, modernization, traditionalism, socio-cultural dynamics, transformation.

Введение термина «архаизация» в проблемное поле социального познания вызвано обращенностью социума и правящей элиты к прошлому социальному и культурному опыту в условиях радикальных социокультурных пертурбаций. Однако проблема архаизации до настоящего времени не разрабатывалась как самостоятельный теоретический вопрос. Термин «Archaization» в научных англоязычных текстах широко распространен, однако синонимичен скорее «демодернизации», т.е. социальным процессам, противонаправленным модернизации. Сходным образом изучается и «традиционализм» (в парадигме прогрессизма, появившегося в западной науке с XVIII–XIX вв.) [1].

Изменения, происходящие в мире и в российском обществе, трудности вхождения в «современность» вызывают процесс переоценки ценностей, создания новых моделей социального взаимодействия и социального поведения. В социально-философском дискурсе высочайшую важность приобретает соответствие старого и нового, прошлого, настоящего и будущего, специфика возникновения новшеств. Социальные перемены неминуемо встречают противодействие устоявшейся нормативной культуры, что зачастую влечет за собой конфликты и неприятие социокультурной «почвой» модернизационных перемен.

С течением времени, в социальном познании позиционируется и требует социально-философского осмысления проблема архаизации как отката к отжившим элементам социальных и властных отношений, практикам в координатах социокультурного взаимодействия, которые усугубляются противонаправленными процессами модернизации/демодернизации. При

этом в условиях социальной неопределенности архаизация, превращаясь в своеобразное средство политико-управленческого воздействия, продуцируется в массовом сознании в результате целенаправленного манипулятивного воздействия властвующих субъектов.

Интенции архаизации, соединяясь с установками менталитета и массового сознания, субкультуру люмпенства, отталкиваются во многом от представлений, представляющих глубинные архетипические черты культурно-исторической традиции и модели сознания.

Архаизация как проблема имеет определенную историю междисциплинарного изучения и позиционируется в социальной системе знаний на основании различных направлений и подходов. Е.Е. Каданцева постулирует, что архаизация как процесс представляет собой отражение, в первую очередь, тенденций в социуме, политического и экономического курса общества, культурного фона жизни в стране, этнокультурной направленности носителей языка, выступая одним из основных показателей общественных изменений, религиозных тенденций, политических и экономических преобразований [2].

В последнее время в социальной мысли и социально-гуманитарном знании вырос интерес к проблематике социокультурных явлений в сфере изучения традиционных и архаических пластов культуры социума, их воздействия на сознание, жизненные установки и поведение человека.

Для Е.В. Самойлова архаизация есть социокультурный процесс, содержанием которого является упрощение, примитивизация сложной социальной системы, и которая, выйдя на крайнюю точку пика кризиса, стремительно деградирует к тем формам социальной и культурной жизни, которые, как считалось, ею изжиты уже давно [3].

А. Прудник акцентирует внимание на том, что реальный процесс стремительной архаизации российского общества контрастирует с декларируемыми целями достижения мировых передовых современных технологий. Архаичные формы организации общественной жизни приобретают доминирующий характер, определяя и внутреннее состояние страны, и характер взаимоотношений в ней личности и государства, и механизм взаимосвязи правящей элиты и населения, и восприятие окружающего мира [4].

А. Рябов исходит из того, что появление социальной архаики в российском обществе можно трактовать как реакцию на неудачи модернизации конца 1980-х – начала 1990-х годов. К тому же, в советской системе уже имплицитно присутствовали элементы феодализма.

Проведенный автором анализ приводит его к выводу, что появление и развертывание архаики отражает слабую готовность переходного общества к дальнейшим трансформациям, неизбежно влекущим за собой новые риски. В ситуации быстрого слома системы общественных отношений и привычных ценностей вакуум, который образовался в массовом сознании, начал быстро заполняться традиционалистскими представлениями, почерпнутыми из ушедших в прошлое социальных практик [5].

И.Б. Пржиленская подчеркивает, что в социокультурной динамике современной России наблюдается несколько процессов, направленность которых не всегда совпадает. Модернизация идет параллельно с архаизацией, а вестернизация с ориентализацией [6].

Проблема архаизации общества выступает одной из центральных в концепции социокультурного раскола А.С. Ахиезера. Философ писал о главных сторонах социокультурных процессов в истории России, в том числе и о приверженности значительной части населения архаическим идеалам [7].

Говоря о росте интеллектуального интереса к проблеме архаизации, социальный философ Ч.К. Ламажаа справедливо обращает внимание на то, что тема обращения к традиционности в обществе далеко не нова для исследователей. История России обсуждалась в этом ракурсе, начиная с диалога между «почвенниками» и «западниками», о «новом средневековье» во времена революционных преобразований в России писал философ Н.А. Бердяев. Постсоветская архаизация как феномен изучается в работах экономистов, социологов, политологов. Курс на традиционность политической верхушки России подвигли политологов писать о «взрывающейся архаичности» [8]. Базой российской государственности рядом специалистов стала рассматриваться «архаичная клановость». Об актуализации культурных программ прошлого в современном российском обществе пишут историки и культурологи А. Янов, В. Булдаков.

Возвращение к архаическому прошлому Ч.К. Ламажаа характеризует как универсальный для разных типов общества социальный путь адаптации на протяжении всей их истории. Исследователи в подобных случаях говорят о возникновении пережитков, рецидивов в течение эволюции обществ (Э. Тейлор), об «архаизме» как приеме возврата в прошлое (А. Тойнби), действии механизма инверсии, погружающего в испытанный опыт догосударственной культурной жизни (А.С. Ахиезер) [9].

Итак, проблема архаизации находит свою актуальность и посыл к исследованию в значимых особенностях ее проявления в социокультурной реальности и воздействия на нее, заявляя необходимость дальнейшей концептуальной разработки. Введение термина «архаизация» в проблемное поле социального познания продиктовано направленностью социума и правящего класса на прошлый социальный и культурный опыт в условиях кардинальных социокультурных перемен. Однако проблема архаизации еще не проработана в строгом теоретическом ключе, а изучение природы архаизации, уровней и модальности ее проявления проходит стадию осмысления.

В нашем исследовании архаизация выступает как процесс социокультурного взаимодействия, в основе которого обращение общества и субъектов социального действия, действующих в условиях сформировавшегося типа социальных и властных отношений, к образцам прошлого культурного опыта и воспроизводству в современной социальной реальности элементов социальных и политических отношений, норм и ценностей культуры, «социальных артефактов», существовавших в прошлом (досоветском и советском), в целях консервации существующего социального порядка, удержания власти и манипулирования массами.

В ходе противоречивых процессов становления в России новой социальности в идеологических построениях властных структур как субъектов преобразований в целях обоснования проектов развития подвергаются инструментализации разнообразные идеи и воззрений. Формируется официальный дискурс как совокупность норм, ценностей и воззрений, устойчивый набор высказываний на темы важных общественных событий, используемый для публичного объяснения намерений и действий элиты. Важными факторами при этом выступают обеспечение управляемости обществом и необходимость легитимации существующего политического и экономического неравенства, гарантий сохранения существующей системы распределения власти, привилегий и собственности.

Обращение к архаической составляющей при этом играет заметную роль и свидетельствует о слабой функциональности сегодняшнего политического порядка. С течением времени одной из самых актуальных становится «имперская тема», актуальность которой связана с неизжитыми советскими амбициями и чувством «национально-государственной уязвленности». Власть пошагово реставрирует исторические институты и практики патриархального общества, подменяющие собой недавно обретенные элементы современности в обществе, культуре и повседневных практиках.

Интенции архаизации проявляются в обращении к советскому прошлому, возвращении форм и символов советского, переписывании драматических страниц советской истории, а советское прошлое зачастую описывается как основной ресурс идеологической легитимации нынешнего режима. Пропаганда официального дискурса модели героического прошлого с сакрализацией важных исторических событий уничтожает любое иное прочтение прошлого или попытку его рационального переосмысления.

Позиционирование архаической компоненты в интеллектуальной мысли обусловлено нарастающими в обществе проблемами и противоречиями и связано с тем, что преодолевая «принудительную инерцию» накопленного социального знания, одни представители интеллектуальной мысли пытаются смоделировать пути переустройства России ради ее «вхождения в современность», другие – видят выход в возврате к прошлому, досоветскому или советскому.

Архаизация социальных практик в условиях вызовов массового общества во многом обусловлена тем, что в России последствия глобализации накладываются на процессы распада прежних систем социального мироустройства. Яркой и определяющей особенностью современной российской социокультурной реальности становится массовизация. Социальные и демографические трансформации глобального характера придают все усиливающуюся значимость социально-массовым явлениям – социальной массе, ее культуре, массовому сознанию и поведению, массовому потреблению – в различных областях жизни общества». Общество потребления также порождает свои вызовы. Принцип получения удовольствия вытесняет принцип созидания и напряжения, преодоления и труда, и получает статус смыслообразующего мотива поведения человека. Человек теряет иные основания для своего бытия. Во всем этом проявляется архаизационная составляющая в развитии современного российского общества.

Основная тенденция архаизации во властных отношениях связана с реставрацией принципа «власть-собственность». Превращая власть и собственность в нерасчлененную субстанцию и приватизируя их в такой их нерасчлененности, корпорация-государство со всей его административно-аппаратной мощью, со всеми его министерствами и ведомствами превращается в насильственную инстанцию, становится по существу еще и корпоративно-репрессивным государством.

Одним из самых значимых проявлений архаизации в сфере властных отношений и функционирования элиты выступают клиентелизм и клановость. Канвой, матрицей взаимодействия «патронов» и «клиентов», то есть управляющих и управляемых, является устойчиво воспроизводимый образец личных отношений господства и покровительства, определяющий политическое настоящее и ближайшее политическое будущее России. Клиентарные и клановые связи становятся, начиная с постсоветского времени, фактически институтом, а порождаемые ими механизмы теневой политики вытеснили публичные механизмы, институты государства и нормы права.

Российская образовательная практика как единая социокультурная организованность знания, мышления и деятельности, служащая воспроизводству определенной социокультурной реальности, также испытывает на себе противоречивые воздействия и вызовы современности. Одним из последствий глобализации является примитивизация общества, то есть его упрощение, стандартизация и унификация, так как деформированное общественное сознание ориентирует массового человека не на производство, а на потребление. В условиях нарастающей архаизации общества образовательная практика подвергается все большей примитивизации и стандартизации. Происходит формализация под флагом соответствия «европейскому стандарту»; сокращается доступность под видом введения двухуровневой системы. В итоге система современного образования все меньше соответствует существующей социальной реальности и не отвечает потребностям будущего.

Нарастание в обществе архаизационных социальных практик в тех или иных формах ведет к подавлению индивидуального начала. Социальные практики подавления индивидуальности в современном российском обществе имеют культурно-генетическую связь с эпохой советского тоталитаризма и политического авторитаризма, когда человек оказывался перед лицом бездушного бюрократического механизма и государственной машины. Подавление индивидуальности ведет к снижению и даже утрате творческой активности личности. Деформация социальности и утрата обществом и человеком смысложизненной целостности означают размывание понятия человеческого достоинства. Человек утрачивает чувство собственного достоинства, веру в себя, духовно-нравственные основы.

Сверхбыстрые изменения современного социально-политического пространства оказывают влияние на все социальные институты и прежде всего – на образование. Образование как целостная историческая социокультурная структурированность познания, мышления и деятельности отвечает за воспроизводство заданной социальной реальности, подвергается противонаправленным влияниям и вызовам времени.

Вызовы современности настолько ощутимы, что, к примеру, политический философ А.И. Неклесса считает, что время нашего существования связано со вступлением в иной ритм исторического бытия: переходом сообщества людей к подвижной, перманентно динамичной форме существования, когда пересмотру подвергается не только понятие реальности, но также позиция актора, строителя социального космоса. Мир становится сложным и сверхсложным, где люди – деятельные, образованные личности, получившие доступ к высокотехнологичному цивилизационному инструментарию – образуют полиформатные социальные молекулы, создавая новое качество глобальной среды, радикально меняющей былой городской образ жизни [10].

Вызовы современности – это вызовы глобального звучания. При этом процесс глобализации, замкнутый в основном границами «первого мира», сопровождается не только прогрессом в части распространения современной технологии на мировую периферию, но и архаизацией десятков стран и обществ. Переживаемое ими, как и российским обществом, время помещает и индивидов, и общности в ситуацию утери социальной и культурной идентичности, когда требуется вновь определяться со своим местом в мире, искать или с нуля выстраивать действенные поведенческие и коммуникативные жизненные стратегии.

Информационное общество, пришедшее на смену постиндустриальной эпохе, формирует новую среду обитания, новую повседневность, ценности, ориентиры и весь образ жизни. Происходит трансформация самого движущего механизма социальных изменений [11]. Именно эти процессы интерпретируются как «вызов современности». Общество эпохи, которую Э. Гидденс называет «поздней», У. Бек – «второй», а З. Бауман – «текучей», отличается существенным ослаблением определенности ценностей и социальных практик в сравнении с предыдущим временем модерна [12].

Человек превращается в свидетеля социальных трансформаций в русле «простой» современности, когда приходит пора нового восприятия свободы от социально обусловленной идентичности. Сегодняшние социальные движения «высокой» современности более адекватно реагируют на все возрастающие риски современного социума [13].

При этом всеразнообразие повседневных практик социального поведения и общения как типических и привычных испытывает на себе воздействие контрадикторных требований современности.

Главным вызовом современности на нынешнем этапе исторического развития является глобализация – вовлечение мира в орбиту открытых финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей, с использованием информационных технологий [14]. Это исторически обусловленный процесс, предполагаемый всем предшествующим ходом мирового развития [15].

Глобализация непосредственно влияет на сознание, поведение и внутренний мир каждого человека, и это предполагает определенные последствия для него. Человек ощущает свою включенность в мировые процессы, которые становятся значимыми для его бытия. И это не просто меняет его взгляды на мир, но шаг за шагом все его реакции, установки и сознание [16]. Но не всегда удается легко и успешно интегрироваться в этот глобальный мир, адаптироваться в нем, особенно, если общество находится на стадии трансформации, пережив социокультурную травму, если проводимые реформы не адекватны социокультурным реалиям общества и входят в противоречие с ними. И тогда происходит обращение к прошлому опыту как понятному, апробированному, испытанному и прогнозирующему определенность, хотя бы в какой-то мере.

Вышесказанное позволяет сформулировать следующие выводы. Архаизация как проблема обладает собственной историей исследований и позиционируется в социальных науках на основе различных дисциплинарных направлений и подходов. Формулирование и актуализация в социально-гуманитарном знании феномена архаизации современного российского общества исходит из рассмотрения особенностей ее выражения в социокультурном поле и связана с необходимостью дальнейшей концептуальной углубленной разработки достигнутого знания.

Литература:

1. Ламажаа Ч.К. Воспроизводство архаики. Почему? // Человек. – 2011. – № 2. – С. 97.
2. Каданцева Е.Е. Явление архаизации в словарном составе современного русского языка: по изданиям «Словаря русского языка» С.И. Ожегова : автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. – М., 2007.
3. Самойлов Е.В. Культурные запреты как фактор экономической деятельности : автореф. дисс. ... докт. философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2004.
4. Прудник А. Архаизация России. – URL : www.apn.ru/2007/08/09/
5. Рябов А. Возрождение «феодалной» архаики в современной России: практика и идеи // Московский фонд Карнеги. Серия: Рабочие материалы. – 2008. – № 4. – С. 8–11.
6. Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума : автореф. дисс. ... докт. социолог. наук. – Ставрополь, 2008.
7. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 89–100.
8. Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: Традиционализм в политической жизни России / ред. В.А. Гуторов. – СПб., 1997.
9. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ) : автореф. дисс. ... докт. философ. наук. – М., 2011.
10. Неклесса А. Праведное дело. – URL : <http://www.intelros.ru/2011/>
11. Кудашов В.И. Философские аспекты трансформации ментальности // Интеллект, ментальность и духовность в глобальном мире / отв. ред. В.Ю. Колмаков. – Красноярск : Изд-во «Литера-принт», 2008. – URL : <http://www.globalistika.ru/>
12. Пивоваров А.М. Современность как условие индивидуализации // Российское общество в современных цивилизационных процессах / под ред. В.В. Козловского, Р.Г. Браславского. – СПб. : Интерсоцис, 2010. – С. 309–314.
13. Там же.
14. Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. – М. : Вече, 2008. – С. 37.
15. Гобозов И.А. Глобализация и примитивизация общества // Философия и общество. – 2009. – № 2. – С. 8, 11, 19.
16. Делягин М.Г. Указ. соч.

Literature:

1. Lamajaa C.K. Reproduction of the archaic. Why? // Man. – 2011. – № 2. – P. 97.
2. Kadantseva E.E. The phenomenon of archaization in the vocabulary of the modern Russian language: according to the editions of «Dictionary of the Russian language» by S.I. Ozhegov : author's abstract of the diss. ... Candidate of Philology. – М., 2007.

3. Samoilov E.V. Cultural prohibitions as a factor of economic activity: author's abstract diss. ... Ph.D. in Philosophy. – Rostov-on-Don, 2004.
4. Prudnik A. Archaization of Russia. – URL : www.apn.ru/2007/08/09/
5. Ryabov A. Revival of «feudal» archaic in modern Russia: practice and ideas // Carnegie Moscow Foundation. Series: Working materials. – 2008. – № 4. – P. 8–11.
6. Przhilenskaya I.B. Evolution of the life world of the Russians in the conditions of the transformative-good society: author's abstract diss. ... Doctor of Sociology. – Stavropol, 2008.
7. Achieser A.S. Archaization in the Russian society as a methodological problem // Social sciences and modernity. – 2001. – № 2. – P. 89–100.
8. Achkasov V.A. «Exploding Archaicity»: Traditionalism in the Political Life of Russia // Ed. by V.A. Gutorov. – St. Petersburg, 1997.
9. Lamazhaa Ch.K. Archaization of society in the period of social transformations (social-philosophical analysis) : author's diss. ... Ph.D. in Philosophy. – M., 2011.
10. Neclessa A. Righteous work. – URL : <http://www.intelros.ru/2011/>
11. Kudashov V.I. Philosophical aspects of the mentality transformation // Intellect, mentality and spirituality in the global world / edited by V.Yu. Kolmakov. – Krasnoyarsk : Literary-print, 2008. – URL : <http://www.globalistika.ru/>
12. Pivovarov A.M. Modernity as a condition of individualization // Russian society in the modern civilization processes / Under edition of V.V. Kozlovsky, R.G. Braslavsky. – St. Petersburg. Intersociis, 2010. – P. 309–314.
13. Ibid.
14. Deliagin M.G. Drive of mankind. Globalization and the world crisis. – M. : Veche, 2008. – P. 37.
15. Gobozov, I.A. Globalization and primitivization of the society // Philosophy and society. – 2009. – № 2. – P. 8, 11, 19.
16. Deliagin M.G., op. cit.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЖИЛОЙ ВОЗРАСТ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСЛОВНОСТЬ

ADVANCED AGE AS SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONVENTION

Курносенко Андрей Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент, начальник,
Главное управление
экономической безопасности
и противодействия коррупции
МВД России
milena.555@mail.ru

Andrey A. Kurnosenko

Candidate of sociological sciences,
Associate Professor, Chief,
Head department of economic security
and anti-corruption of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

Киясханов Магомед Хизриевич

кандидат философских наук, доцент,
представитель МВД России
в Республике Таджикистан
milena.555@mail.ru

Magomed H. Kilyaskhanov

Candidate of philosophical sciences,
Associate Professor,
Representative the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
in the Republic of Tajikistan
milena.555@mail.ru

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры экономики,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Vladimir N. Grishay

Doctor of sociological sciences, Professor,
Professor of department of economy,
Yessentuki institute of management,
business and right
milena.555@mail.ru

Бакланов Игорь Спартакович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
milena.555@mail.ru

Igor S. Baklanov

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of department of philosophy,
North Caucasian federal university
milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается пожилой возраст как социально-психологическая условность. Специфика рассматриваемого вопроса о пожилом возрасте и «молодости души», на сегодняшний день, актуальна, так как на мировоззрение современного человека оказывает огромное влияние так называемый «культ молодости». Помимо естественных процессов старения имеет место и воспроизводство модели старости в социальной среде, что связано как с личной оценкой человеком своего возраста в качестве пожилого, так и с реализацией моделей отношений и взаимодействий с пожилым человеком окружающими.

Ключевые слова:

Annotation.

пожилой возраст, возраст, человек, молодость, культ молодость, человек.
In article advanced age as social and psychological convention is considered. The specifics of a case in point on advanced age and «soul youth», today, are relevant as it has on outlook of the modern person a huge impact, a so-called «cult of youth». Besides natural processes of aging also reproduction of model of an old age in the

social environment takes place that is connected as with personal assessment by the person of the age as elderly, and with realization of models of the relations and interactions with the elderly person by people around.

Keywords: advanced age, age, person, youth, cult youth, person.

Пожилой возраст и молодость – понятия относительные, так как образ жизни человека, переходя на новый цикл развития, кардинально меняется. Один человек не противится переходу к пожилому возрасту и воспринимает данные перемены как должное. Другой же, осознавая безвозвратный уход молодости, считает данное событие катастрофой – такой индивид, зачастую, всеми силами пытается сохранить и удержать состояние молодости. Третий индивид – рассматривает молодость как состояние души, но не тела, как особое мироощущение (мировоззрение). Для такого типа людей возраст не влияет на их отношение к самой жизни, для них – это, всего лишь, цифра. Ведь, нередко встречается, что и у молодого поколения присутствуют отрицательные качества старости.

Специфика рассматриваемого вопроса о пожилом возрасте и «молодости души», на сегодняшний день, актуальна, так как на мировоззрение современного человека оказывает огромное влияние, так называемый «культ молодости». По этому поводу Л.И. Кемалова подчеркивает, что: «...при общей тенденции к старению населения все больше насаждается культ молодости, что проявляется в желании сохранить ее как можно дольше, поскольку иначе человек может оказаться невостребованным социумом» [3]. И, действительно, как особое состояние и как совокупность определенных качеств, молодость сегодня оказывается особенно востребованной, так как в быстроменяющемся мире, умение перестраиваться, чтобы соответствовать ритму жизни, необходима быстрая реакция на происходящие перемены. И чтобы не оказаться на обочине жизни, выброшенными за ненадобностью, и молодежь, и люди зрелого возраста стремятся сохранить как можно дольше качества и свойства молодости.

Представители античной философии понятия «пожилой возраст» и «старость» трактуют по-разному. Так, философы Гораций, Эпиктет, М. Аврелий, Аристотель и другие – понятие «старость» отождествляли с понятием «болезнь». По их мнению, пожилой возраст – это время увядания, упадка сил, инволюции и т.д., то есть, они считали, что душа вянет со старением тела. Гораций, пожилых людей называл: «тяжелыми людьми», «порицателями молодости», «алчными», – в его работах пожилой возраст представлен в мрачных тонах и основная тема в его произведениях – это «...потеря или, как минимум, уменьшение ощущения жизненного счастья...».

Аристотель, также как и Гораций, в своем сочинении создал негативный портрет пожилого человека. Он долгую жизнь именуется как «несчастьем» и не находит в пожилом возрасте ничего положительного, считая, что в этот период человека покидают как духовные способности, так и умственные и физические силы [1].

Другие же философы, такие как Цицерон, Сенека, Эпикур, Конфуций, Платон и другие – интерпретируют пожилой возраст, как период совершенства. Они считают, что в пожилом возрасте человек обретает «внутреннюю свободу», «мудрость», «духовную зрелость». Так, Цицерон восхвалял философию, повинаясь которой человек может в любом возрасте жить без тягот. Он подчеркивал, что такая философия помогает человеку нести бремя старости мудро и спокойно, делая ее приятной и тихой.

По Платону, пожилой возраст характеризуется захваченностью состарившегося человека страхом – это позволяет выйти за рамки последнего и тем самым, добиться преобладания разумной души: «...видения своей жизни как целого, которое, в свою очередь, включено в контекст всеобщего, в контекст предельных оснований бытия». Данный тип пожилого возраста предполагает, в качестве новой реальности, принятие человеком завершающего этапа своего жизненного пути, то есть переход к пожилому типу жизнедеятельности.

Представление о старости кардинально изменилось с распространением христианства. Потому как, с приходом христианства произошло закрепление однозначно-высокого ценностного статуса старости в обществе, образ которой обрел личностное измерение и перестал быть безличностным. Так, в философии Н.А. Бердяева понятия «человек» и «духовность» тождественны, следовательно, через человеческую личность раскрывается его духовность [2, с. 30]. По его мнению, двойственность человека делает его одновременно и царем, и рабом природы, и лишь духовность (качество человеческого духа), определяет в природе центральное положение человека. Как отмечает философ, дух изнутри срачивается с душой, являясь для душевных субстанций трансцендентной реальностью «извне и издалека предстоящей».

Душа, по мнению Бердяева, имеет иное качественное состояние, чем материя и тело, она принадлежит природе. Тело же человека состоит из материи, но являясь вместительницей души и духа, и будучи пронизанным духовной энергией первожизни, тело с душой, как необходимый элемент человеческого всеединства, составляют единое целое.

Таким образом, на протяжении многих веков, выдающиеся философы, феномены «пожилой возраст» и «старость» связывали с такими темами как душа и тело, бытие и небытие, человек и природа, человек и Бог, жизнь и смерть, духовная энергия и смысл жизни, и другое. Подводя итог высказываний античных философов, относительно пожилого возраста и процессов старения, стоит заметить как отрицательные, так и положительные мнения и позиции.

В современной социальной философии вопрос о старости и пожилом возрасте, также актуален. Ни для кого не секрет, что физическое старение присуще каждому, без исключения, человеку и бессмысленно сопротивляться данному явлению. Отсутствие так называемой культуры старения, то есть страх старения, приводят к тому, что человек боится старости, интерпретируя это тем, что он становится ненужным. Авосприятие обществом старости, как периода ненужности (пассивности), часто ассоциируется с болезнями либо бедностью. Но есть и положительная сторона, страх перед старением мотивирует человека к стремлению как можно дольше сохранять молодость. Так, А.Э. Хасуев отмечает: «...границы молодости индивидуальны и для каждого человека, их сложно загнать под стандартные общепризнанные рамки» [4].

Что примечательно в контексте идеи условности возраста, наблюдая за людьми разных возрастов, мы можем интерпретировать тот факт, что некоторые люди и в восьмидесятилетнем возрасте активнее и моложе духовно, чем тридцатилетние индивиды. Человек становится старым, как только он теряет интерес к жизни, перестает мечтать и искать познаний. Отсюда следует, что возраст человека определяется его образом мыслей.

Ученые, говоря о старении души, имеют в виду когнитивно-ментальный блок мозга. В последние годы нейробиологи в поиске инструментов «вечной молодости мозга» достигли больших результатов. И сегодня у них «под прицелом» находится человеческая память, привязанности, страхи, эмоции, поведение, устремления и т.д.

Ученые уже очень много добились в понимании того как мозг «противится» нашей свободе от старых шаблонов поведения. Системно-векторная психология Ю. Бурлана показывает, что, будучи активным психически, получая свое удовольствие от жизни, человек стареет гораздо медленнее и проживает качественно другую жизнь. Системно-векторная психология наглядно показывает – реализация наших внутренних желаний не подпускает старость к нашему порогу.

С точки зрения системно-векторной психологии, энергия дается людям на поиск новых возможностей: если появилось желание искать эти возможности, получать новые знания, то энергия тут же просыпается. Но если не интересоваться новым, больше не хотеть наращивать новые сигнальные пути для мыслей – в это время мозг теряет пластичность и в душе возникает внутренняя пустота. Человеку кажется, что самые главные, интересные, будоражащие события жизни уже в прошлом, а в будущем ничего важного не произойдет, то есть наступает пессимизм.

Центральное значение для нас, в данном случае, имеет то, что старость можно рассматривать и как объективное явление, и как субъективный, конструируемый по внешним образцам процесс. Полагание границ, которые накладывает на человека возраст, приводит к тому, что меняется поведенческая составляющая, снижается и ограничивается социальная активность. Иными словами, помимо естественных процессов старения имеет место и воспроизводство модели старости в социальной среде, что связано как с личной оценкой человеком своего возраста в качестве пожилого, так и с реализацией моделей отношений и взаимодействий с пожилым человеком окружающими. В этом плане гипотезы системно-векторной психологии, в сочетании с анализом социального аспекта старости позволяют рассматривать последнюю в качестве сочетания объективно-физиологических и социально-конструируемых аспектов, в котором второе оказывает существенное влияние на первое. Это позволяет заключить о том, что одним из важных путей разрешения проблемы старости должна стать борьба с преждевременным конструированием моделей старения, как утраты дееспособности. С учетом того, что существенная доля аспектов возраста имеет характер условности, целесообразно формировать конструктивные типы социально-возрастных условностей.

Литература:

1. Аристотель. Собрание сочинений в 4 томах. – М. : Мысль. – 1976. – Т. 1. – 550 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – С. 30.
3. Кемалова Л.И. К вопросу о границах молодости // Журнал: Инновационная наука. – 2017. – № 02-2. – С. 284–286.

4. Хасуев А.Э. Социально-философский анализ понятий молодежь и молодость // Журнал: Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2. – С. 1574–1578.

Literature:

1. Aristotle. Collected works in 4 volumes. – M. : Thought. - – 1976. – Т. 1. – 550 p.
2. Berdyaev N.A. The philosophy of free spirit. – M. : Republic, 1994. – P. 30.
3. Kemalova L.I. To the question of the borders of youth // Journal: Innovative science. – 2017. – № 02-2. – P. 284–286.
4. Khasuev A.E. Social and philosophical analysis of the concepts of youth and youth // Journal: Fundamental research. – 2015. – № 2. – P. 1574–1578.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 20.12.2017

Подписано в печать 25.12.2017

Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная

Печать riso.

Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом – Юг»

350072, г. Краснодар, ул. Московская, 2

Тел. +7(918) 41–50–571

Заказ № 1792

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: www.id-yug.com